

БОРИС КОРНЕВ

ИГРА В «ТЕТРИС»

**Очерки нравов партаппарата
среднего звена**

**Санкт-Петербург
2011**

Это очерки о последних годах существования КПСС. Тема сама по себе не нова. Но интересен взгляд на нее изнутри – из самого «двигателя» вертикали власти – из партийного аппарата. С его дилетантизмом, своеобразным, непривычным обывателю профессионализмом и «ампутацией личности».

В основе – подлинные события. Все фамилии вымышленные.

...Нам говорят лишь о «ленинизме», о бесплотном руководстве, об идейной традиции, о духе большевизма, о невесомой «генеральной линии», но о том, что чиновник, живой, из мяса и костей, поворачивает эту генеральную линию, как пожарный — свою кишку, нет, об этом вы не услышите ни слова...

Троцкий Л.Д. Немецкая революция и сталинская бюрократия. — Берлин, 1932. С. 99-100.

ВСТУПЛЕНИЕ

Есть такая компьютерная игра – «Тетрис». Геометрические фигурки падают сверху на дно прямоугольного «стакана». Пока фигурка опускается, игрок может вращать её и сдвигать вправо и влево. Фигурка остановится тогда, когда коснется дна стакана или другой фигурки. Исчезает только полностью заполненный горизонтальный ряд. Если фигурка не успевает устроиться в этом ряду, игра останавливается...

Что-то подобное напоминает существование партийного аппарата. Кто, когда и кем станет? Известно почти что сразу. Но только руководству. Все зависит от твоих личных качеств и от отсутствия «проколов». Надо сказать, это часто – взаимоисключающие понятия. Или ты личность – тогда у тебя будут «проколы», если уже нет – тогда все наоборот. Выполняешь только то, что поручат, в любом случае, на любом посту. Да и посты ты получаешь лишь для реализации понятия «расстановка» - расстановка кадров. И где бы ни проходила твоя «расстановка», главное чтобы, в конце концов, ты стал «изотропным», то есть по всем направлениям одинаково гибкими и понятливым. Тогда тебя можно с легкостью встроить в сложную конфигурацию вертикали власти.

Многие участники этой «игры» обладают одним неожиданным качеством. Они практически невидимы и «прозрачны». Ведь это не руководители коммунистов, а только инструкторы! Те же, кто не способен на такое чудо «прозрачности» – сразу обрастают проблемами. Они ярко обо-

значаются и зависают, сокращая жизненное пространство и время. Добавится ещё одна проблема, потом другая, и, уже не поспевая за жизненным потоком, они покидают свой «стакан» аппаратной игры.

После этого судьба, конечно, предоставит возможность сыграть снова и снова, переводя за руку от одного «стакана» к другому, дальше формируя качество, которое называется «дилетантизмом». Все они: и профессионалы, и дилетанты – участники и «фигуры» другой такой же игры, где игроки те, кто на самом верху. Здесь решают всё! Как повернуть тот или иной огромный квадрат или ромб? Продолжать или бросить саму игру? Но и им для победы нужно как можно больше гибких фигур, аморфных, легко вращающихся, а лучше вообще прозрачных. Тогда проблемы будут решаться легко, освобождая поле для вечного блаженства игры во власть.

СВЕЖЕЕ МНЕНИЕ

Начинало цениться свежее мнение. На самом верху мечтали о том, что де вот придут новые, сильные, культурные и всё поменяют. Прекратится «застой», и начнется «ускорение». Современная наука и технический прогресс всё сдвинут с мёртвой точки.

Именно в это интересное время перемен руководству захотелось набрать в аппарат побольше молодых и очень ярких учёных. Прямо оттуда, из науки. Отнять их от электронов, молекул, клеток, аппаратов и агрегатов, научного коммунизма и политэкономий социализма. Отнять и сразу имплантировать непосредственно в сообщество под названием «аппарат». Пусть, мол, они своим ярким умом и самобытным мировосприятием всё перевернут, разукрасят и потащат вперед с возрастающим день ото дня ускорением. Это без райкомовских-то прививок и иммунитета...Ну, как не стыдно! Честное слово!

Для того, чтобы хоть одним глазом взглянуть на них, новых и культурных, ещё только вылупляющихся из скорлупы, нужно было совсем немного. Нужно всего лишь приоткрыть занавес и посмотреть в глубину очень бедной, но, тем не менее, всегда столь же передовой советской науки.

– Алексей, смотри сюда, – профессор взял свежую газету «Правда» с неизменным генсеком на первой полосе и на свободных от текста полях начал рисовать. Аспирант с удовольствием бросил свои графики и подошёл к шефу. Он знал, что экспромты его начальника всегда заканчивались яркими публикациями в хороших журналах.

– Вот кристаллическая решётка: натрий, хлор, натрий, хлор, – обстоятельно заговорил профессор, будто начинал привычную для него лекцию. – Всё, как ты понимаешь, одновалентные. Чуть добавили хлористого кальция... Теперь вместо натрия кое-где в узлах решётки «сидит» кальций. Но он двухзарядный, поэтому ещё один натрий, хочешь – не хочешь, покидает своё место...

– Появляется что-то вроде диполя: двухзарядный положительный ион кальция и отрицательная «дырка», – поспешил показать свою учёность Алексей.

Шеф аккуратно обозначил на газетке стрелочками направление приложенного электрического поля, его мощность и выстроенные в ряд диполи. Он сделал паузу, ожидая следующей реплики своего ученика.

Но Алексей уже завёлся и почти не слушал своего шефа. Он почему-то сразу вспомнил посвящение в студенты. Тогда, шесть лет назад, декан физического факультета, поздравляя всех с первым учёным званием «студент», пожелал им... научной наглости. Он рассказал, как, работая у академика Курчатова, группа молодых физиков получила задание сделать ускоритель. Тогда они даже не знали – что это такое! Однако построили...

Теперь и Алексей Привалкин оказался почти в такой же ситуации. Его руководитель придумал эксперимент, а он должен его осуществить. Не справится – плакала «кандидатская».

Через три месяца он всё сделал. Конечно, это было не совсем то, даже скорее совсем не то. Невозможно руками сотворить нечто, работающее при температуре жидкого азо-

та, напряжении в три тысячи вольт, давлении в десять тысяч атмосфер и чувствующее токи в минус семнадцатой степени ампер. Но энергия, целеустремлённость, «наглость» сделали своё дело. Главное, это был первый самостоятельно полученный почти научный результат. Он запомнился надолго и заложил мощный потенциал так необходимой молодому учёному уверенности в себе.

Прошло ещё полгода. Полностью смонтированный сложнейший агрегат наконец-то задышал в установленном порядке. Стали появляться первые результаты, статьи в приличных научных журналах, Алексей зачастил выступать на конференциях. Ну, всё! Пошло!

Его работу выдвинули на премию Ленинского комсомола, а самого Привалкина быстренько приняли в партию, как перспективного молодого учёного да ещё и обещавшего на бюро райкома в срок защитить кандидатскую диссертацию. Это было почти нереально. Тогда аспирантуру заканчивали диссертацией только десять процентов аспирантов.

Однако если есть партийное поручение, оно будет обязательно выполнено! Вот уже и защита позади и корочки кандидата наук лежат дома на полочке. Теперь можно перейти на сложные системы и вплотную приблизиться к ионисторам с ёмкостью в две фарады. Это же ёмкость, как два Земных шара. Отбоя не будет от заказов, завалят договорами. Только отпахивай...

И, надо же такому случиться – молодого коммуниста избрали в партком института. Да! Это кто-то не додумал. Конечно, хотели как лучше! Мол, у нас и молодые учёные тоже есть. В парткоме всего человек тридцать. Ну, что ж.

Избрали, так избрали. Велика напасть. Подумаешь, второй Учёный Совет. Всё равно директор-академик главный. Да не тут-то было. Вокруг аппаратчики-орговики, повинуюсь велению партии, так и рыщут, так и высматривают: кто это там не просто кандидат наук, а с премией? И не просто с премией, а ещё и член партии. И не просто член партии, а член парткома. А партком-то с правами райкома. Ну? Неужели непонятно? Всё красиво и гладко! Отраслевые отделы горкома и обкома сразу учуяли добычу и нацелились забрать молодого к себе. Обком, конечно же, победил.

Вот так в отделе науки и учебных заведений областного комитета партии появился Алексей Привалкин, высокий, толстоватый, с рыхлой бесформенной фигурой, с причёской под ёжик и в очках. Новоиспечённый лауреат Премии Ленинского комсомола за работу по физике твёрдого тела и новый, аж заведующий сектором.

Как в армии или, например, на зоне, в Смольном тоже умели воспитывать и проверять «на вшивость». Привалкина решили «по-марксистски» сурово поучить «бытию». А то у него был один сплошной «поток сознания».

Этот был сразу из «яслей». Только очень умный. Никак не мог врубиться, что такое дисциплина и субординация. Снимал телефонную трубку и давай названивать... председателю горисполкома. Сам ведь пока ничего не знал про свои организации. Прямо «дурилка картонная». Чтобы надвигающаяся лавина «проколов» этого учёного не накрыла весь отдел, полагалось по ускоренной программе искусственными методами формировать у новичка примитивные рефлексy выживания.

Работа в обкоме, в отличие от райкома, предполагала знание всех нюансов номенклатурной жизни, до которых нормальный человек даже не догадается. К кому и когда можно входить в кабинет, к кому – нельзя. Например, спецкоридор, где были кабинеты «Первого» и «Второго» вообще можно было забыть, где кабинеты не профильных секретарей обкома, тех, кто курировал не твой отдел – тоже. Даже к своему непосредственному начальнику Алексей, да и все остальные, входили, когда позволяла секретарша и то, если у неё на столе гасла красная лампочка в виде Кремля. Это значило, что шеф закончил говорить по телефону.

В Смольном на первом этаже была создана целая система буфетов. Её довольно быстро постигают все новички. Однако, некоторые не поспевали за номенклатурной мыслью. На входе в здание – пост. Его устроили сразу после убийства Кирова. До этого события вообще никакой охраны не существовало. Потом – другой пост, в конце коридора, перед дверью в большой буфет, почти столовую.

Туда могли пройти только те, кто имел постоянный пропуск в Смольный, из аппаратов обкома, горкома, райкомов и исполкомов, а не всякие там приглашённые или заявители. Здесь всегда была прекрасная кулинария и пироги, особенно разбирали пышные, свежие, тут же выпеченные с капустой, брусникой, лимоном и кулебяки с мясом. В пятницу многие покупали два с капустой и два каких-нибудь сладких. Как раз хватало на выходные. Другие брали пирожные и, конечно, бутерброды с семгой, осетриной горячего копчения и балыком. Обычно часа в три дня, за час до закрытия, в этом буфете какой-то отдел в сторонке за отдельным

столом тихонько отмечал чей-нибудь день рождения. Кофе и пирожные. Тридцать минут и все! Выгодно и удобно – ни тебе тостов, ни застолья.

Из этого буфета вёл коридор, а в нём ещё одна дверь. Там тоже стоял пост, за ним – ещё буфет, куда пускали только, начиная с уровня инструктора. А вот уже из этого буфета можно было перейти в совсем маленькую комнатку для заведующих отделами и первых секретарей райкомов, в ней – ни поста, ни кассы. Подразумевалось, что в предыдущем буфете все разумные, и они ни в жизнь не полезут туда, где питаются люди с более высоким уровнем ответственности. Эта категория обычно не придерживалась расписания. Они ели, когда придётся. А обслуживала их всегда одна и та же буфетчица, которая просто знала всех в лицо. Заведующие отделами могли придти в свой буфет в любое время дня и ночи, взять, что душе угодно из холодильника и наесться до отвала бесплатно. Потом Управление делами как-то это учитывало.

Что касается секретарей обкома, то у них столовая размещалась совсем отдельно, где-то на третьем этаже, наверное, рядом с их кабинетами, в специальном коридоре. А, может, её и не было совсем. Святым духом питались... На этот счёт нет точных сведений. Но для попадания в спецкоридор нужно было миновать ещё один пост. Туда, правда, никто другой и не стремился. Хлопотно!

Стол, за которым обедали работники отдела науки и учебных заведений, стоял совсем рядом с проходом в зал для заведующих отделами и первых секретарей райкомов. И вот за обедом все собрались и говорят новенькому, что

он, как заведующий, должен питаться в другом зале. Мол, здесь только инструкторы и заместители.

— А Каляев что же? — Промямлил Привалкин, кивая головой на своего непосредственного начальника — заместителя заведующего отделом.

— Но он же только заместитель. Что тут непонятного, — объясняли сотрудники. «Замзав» развел руками: мол, увы! Слово «заведующий» явно не похоже на «заместитель», оно действовало на новичка заворачивающе. К какой должности добавлялась пришлёпочка «зам» — его как-то не волновало.

Что вы думаете? Этот недотёпа встал и направился в буфет для начальства. Хорошо, что там никого не было, кроме официантки. Она очень, очень вежливо спросила вошедшего, кто он и как его имя и отчество. А олух-то: «Из отдела науки». «Ну, обалдеть, — рассказывала потом женщина, — еще утром заходил Дмитрий Васильевич, ел рисовую кашу, а уже в двенадцать — другой. И заседания бюро обкома не было... Что же такое нужно было вытворить, чтобы так срочно и заочно сняли с должности?»

Конечно, через минуту совместными усилиями его оттуда выдернули. В буфет, минуя стол, за которым сидели работники отдела науки, направлялись сразу два заведующих отделами. Увидев своего начальника, Привалкин сразу всё понял. Для него эффект был такой, будто он в женский туалет ввалился или, не имея бонов и паспорта моряка, упорно норовил попасть в магазин «Берёзка».

После этого памятного мероприятия Привалкину оставалось ещё одно — попросить себе лишний комплект пред-

ставительских подарков для делегатов очередного съезда партии. Тогда обыватели именно так и считали: «В Смольном всё себе разбирают».

«Придурок» под диктовку добровольных помощников написал служебную записку в Управление делами обкома, чтобы ему выдали дубленку – одну, в скобках указал размер, туфли мужские – одну пару и модный портфель «из того, что осталось после отправки делегатов на съезд партии». Как ни уговаривали попросить сапоги для жены, не соглашался. Совестьливый оказался. Или просто размера не знал.

Своему заведующему это безобразие дали завизировать «не глядя». Есть такая категория срочных бумаг, когда начальнику, какое бы совещание он ни вёл в это время, приносят срочный документ для визы. Без слов, начальник, не читая, визирует и продолжает совещание. Такое бывает только до первого прокола. Надо сказать, что эту редкую процедуру настолько все уважали, что срывов здесь просто не бывало. Потом предупредили секретаршу Управделами. Мол, придет один идиот, так ты бумагу от него возьми, никому не показывай и сразу нам верни. Тем более, что никто туда и писать-то не может, кроме своих инструкторов.

Через два дня заместитель заведующего позвал к себе Привалкина и серьёзно спросил: «Какую записку ты сдал в Управление делами? Ты что, совсем дурак? Какие ещё шмотки? Кто тебя надоумил? Ты знаешь, что теперь с тобой будет? Да и нам всем мало не покажется...»

Словом, это было незабываемое шоу, и для новенького, и для всех остальных его участников. Но, пожалуй, для официантки в буфете особенно.

Уже через месяц Алексей всех достал своим «умничанием», системным подходом и постоянным обсуждением поручений руководства. Бывало, он целый день сидел с одним заявителем и говорил, говорил, говорил... Сначала все подумали, что это такая новая тактика – взять автора жалобы измором. Нет! Просто Привалкину очень нравилось, когда его слушали. А заявитель писал снова и снова, не забывая при этом поливать грязью нового аппаратчика. Незакрытые письма накапливались. Они превысили ту критическую массу, которую технологически вообще возможно закрыть одному человеку. Черновики его грифованных записок и справок валялись всюду. Особенно много их находили в «предбаннике» машинописного бюро, где обычно толпились инструкторы, сдающие свои секретные опусы в печать. Директора институтов, с которыми ему приходилось иметь дело, как сговорились, – с сожалением на лице ничего не отвечали на вопрос: «Ну, как новенький?» А коллеги старались как можно быстрее покинуть его кабинет, когда он говорил по телефону с кем-нибудь из своих институтов.

– Обком партии, Привалкин! Директора позовите к телефону – ни «здравствуйте», ни «пожалуйста». Даже рядом стоять опасно да и стыдно.

– Здравствуйте Алексей Валерьевич, – отвечала секретарша, – Александр Николаевич сейчас на заседании Учёного совета. Он будет через сорок минут. Я вас с ним соединю. Если что-то срочное...

– Да, да. Срочное.

Минуты через две-три на другом конце трубки слышался голос запыхавшегося директора института, члена-кор-

респондента Академии наук, заслуженного деятеля науки РСФСР, между прочим, члена обкома.

– Слушаю вас, Алексей Валерьевич.

– Да, да, здравствуйте. Э-э... – Как зовут директора, Привалкин, конечно, не помнил, а может, и не знал никогда. Для «дела» ему важно было другое. – Сколько у вас в институте докторов и кандидатов наук?

Все спрашивали друг друга: «Откуда это у него? Вроде бы сам почти научный кадр... Неужели за личиной успешного ученого из интеллигентной семьи скрывался просто хам?» Начальник, как всегда, быстро сделал вывод: «Деньги, не портят, а лишь идентифицируют личность. Точно так же и власть или подобие её. Они быстренько всё расставляют на свои места. Как говорят физики – чистый эксперимент!»

А Привалкину нужно было всего лишь заполнить очередную таблицу с цифрами. Он не понимал, что для него как для аппаратчика не то страшно, что из-за пустяка он оторвал от работы заслуженного, пожилого человека. Аппаратчик обязан знать, что цифры, которые назовет директор, никогда не соответствуют действительности. Нужно их брать или из официальной статистики, или в плановом отделе института.

Совсем глупо не понимать, что этот Александр Николаевич запросто может подойти к «Первому» на каком-нибудь пленуме и, походя сказать: «Какой-то новенький **у нас** в отделе науки появился. Вы знаете, мне он показался не совсем культурным...» И всё!

Неужели кандидату наук, лауреату премии, пусть пока «Ленинского комсомола», не сообразить? Но дело было

в чрезмерной и быстрой успешности молодого учёного. Его профессиональные мозги физика ещё никогда, наверное, не работали в окружении большого числа более умных и мудрых людей – директоров академических институтов, ректоров вузов. До сих пор ему не приходилось испытывать сомнений, попадать в ситуацию, где он не был бы готов ответить на «пятерку». Школа – медаль, вуз – красный диплом, академический институт – степень, премия... Это всего лишь перечень выставленных оценок. Всё остальное, к сожалению, осталось вне этого завораживающего ряда.

И вдруг, ни с того, ни с сего – обком!?

Через полгода его вернули «мэнээсом» в родной институт за ненадобностью. Ни тебе учёного, ни тебе аппарата. Сломленная личность с «клеймом» на лбу, типа «невыездная».

Пусть бы кто-то другой, а то... Из яслей – прямо в серпентарий...

КВАДРАТИКИ, РОМБИКИ, КРУЖОЧКИ... И НЕОПОЗНАННЫЙ ОБЪЕКТ

Примерно раз в два месяца каждый ответственный работник райкома, за исключением секретарей, назначался на ночное дежурство по району. Информация обо всём, что происходило неожиданного или отрицательного, поступала именно к нему, к ответственному дежурному районного комитета партии. Ему и принимать решения – для аппарата непривычное, надо сказать, занятие!

Владимир притащил в приёмную кучу документов – хотел продолжить изучение первопричин многочисленных нарушений в строительстве, о которых в последние месяцы слишком часто писали заявители. Как и в первое своё дежурство, он прихватил из дома подушку. Расчёт был на то, что удастся что-нибудь написать для отчёта по последним двум письмам и хоть немного поспать за ночь, уместившись на двух – трех стульях, составленных в ряд.

Володька Новицкий работал в промышленном отделе райкома уже третий месяц. Его взяли в аппарат с должности заведующего лабораторией НПО «Позитрон». Невысокого роста, с густыми, очень коротко и ровно подстриженными каштановыми волосами, он не выделялся из однородной массы коллег, но последний месяц все дни напролет сидел в кабинете. Ему приходилось разбираться с письмами о самострое в черте города. Раньше их получали другие и гасили, как могли. Теперь – его очередь.

Поначалу устроившись в кресле секретарши «Первого», он раскрыл прошитую грубыми нитками книгу для записей, проверил все телефоны, по «смольнинскому» сообщил дежурному горкома о том, что заступил. Потом, в свою очередь, принял такие же звонки от всех крупных предприятий района и, главное, от ремонтных и аварийных служб.

Прошел час, ещё два. Зазвонил городской телефон. Из районного отделения милиции как-то запросто, скороговоркой, как обычное дело, сообщили о том, что погибла районный депутат Петрова... Попала под трамвай.

Петрова? Так, это же заведующая РОНО! Именно сегодня на исполкоме слушали её отчёт, и «Первый» её жёстко критиковал. Новицкий записал полученную информацию и позвонил заведующему организационным отделом. Это их номенклатура. Пусть сами сообщают родственникам. Орговикам сам Бог велел «купаться» в таких вопросах, тем более, это может быть как-то окрашено сегодняшним заседанием исполкома...

Главный «орговик» явно был не готов к такого рода перипетиям. Минут через десять он перезвонил с тем, чтобы получить подробности.

Вот тут и началось. Милиция доложила так: женщина, как и многие другие прохожие, засмотрелась на пролетающий неопознанный объект и попала под трамвай.

– Какой, к чёрту, объект? – Переспросил дежурный.

– Объект? Точно неопознанный. Мы потом справлялись – нам подтвердили.

– Кто?

– Военные.

Продолжать разговор не имело смысла. Дежурные по Главной геофизической обсерватории и райвоенкомату, как сговорились, спокойным голосом подтвердили «столь обыденный» для них факт.

– Нам сообщили «погранцы», – продолжал дежурный, какой-то учёный из обсерватории, – что объект улетел сначала в сторону Выборга и затем пересёк границу.

Новицкий позвонил пограничникам, перепроверил. Так и есть! Ну, теперь писанины на всю ночь хватит. Надо бы сообщить своему заведующему. Мысли крутились по определённой спирали: вроде, что-то важное, а по сути – чушь какая-то. Но ведь зав РОНО погибла. А он-то причём? С другой стороны, не сказать, не дать своевременно информацию – в принципе плохо. Потом будут шпынять. В отделе был один. Когда заведующий спрашивал про план, тот отвечал ему общими фразами, а нюансы, совершенно конкретные причины припасал для доклада в присутствии «Первого». Он и доигрался. Его надолго закрепили на занимаемой должности.

Пока Новицкий рассуждал, опять позвонили из РУВД.

– Прохоров ваш у нас. В нетрезвом состоянии буянил в общественном месте, сопротивлялся постовым.

– Какой Прохоров?

– Да секретарь ваш комсомольский. У него удостоверение Первого секретаря райкома ВЛКСМ.

– Прохоров?! Э-э-э, подожди, подожди... Я перезвоню. Владимир сообразил, что сначала нужно звякнуть своему начальнику. Узнать что, да как, а потом уж «орговикам». Может, «хороший» этот Прохоров, может, он в каком раскладе учтён...

– «Первый» его не любит, – заведующий промышленным отделом прямо по телефону раскрыл большой кадровый секрет, – а главный «орговик» с ним работал на одном заводе. Вот так! Дальше сам думай, мне всё равно.

Ну, не звонить же домой «Первому», в самом деле! Он опять позвонил заведующему организационным отделом.

– Вот что, Новицкий, передай этим, пусть работают «в установленном порядке». Всё! Достал меня этот «землячок».

Звонить в управление дежурный не стал. Его «подожди, подожди» может растянуться и до утра. А там пусть сами звонят. Всё равно, боясь проколоться, милиция не станет без согласования оформлять документы о задержании члена бюро райкома. В конце концов, это номенклатура «орговиков». На всякий случай он решил поискать телефонный справочник райкома комсомола, чтобы позвонить кому-нибудь неофициально и предупредить. В ящиках стола дежурного справочника не было. Может, «Первый» взял. Нужно у него посмотреть – решил Новицкий.

Дежурному разрешено входить в кабинет «Первого». Только зачем? Неизвестно. Всё равно всё закрыто на ключ. Но дежурные любили там бывать. Оттуда был вход в отдельный туалет. Очень красивое местечко. Всё блестит и сверкает и, главное, не нужно идти в другой конец коридора.

Рабочий стол первого секретаря райкома был чист и сверкал полировкой. Только с краю лежали два телефонных справочника, но не те, что искал Владимир, и пара листов белой бумаги. Он уже было направился прямо в туалет, как

обратил внимание на какие-то каракули на том листе бумаги, что лежал на столе сверху.

Новицкий не был бы аппаратчиком, если бы не вернулся и не посмотрел.

Елки моталки! Вот это да-а-а! – Владимир очень тихо и про себя даже не произнёс, а только хотел это сделать. Там были фамилии хорошо известных ему людей, обведённые в квадратики, ромбики и кружочки. Рядом стрелочки с буквами. Кто, когда и кем будет. Ни много, ни мало! Это всё равно, что узнать день своей смерти. Каждый по-разному реагирует на такую весть. Один начнёт торопиться и понаделает ошибок. Другой, наоборот, затихнет, чтобы не спугнуть «пруху» и не проколоться лишней раз. В общем, это было что-то очень секретное.

Как шпион, прямо. Вот бы фотоаппарат сюда, – подумал дежурный и, уже не контролируя себя, но, не дотрагиваясь до листка и вращая головой на сто восемьдесят градусов, начал читать содержимое каракуль прямо вслух. Так, наш заведующий отделом – в зампреды райисполкома вместо Ляшкина. Это правильно. Ляшкин уже ни фиги не делает, хотя и отвечал за лакомое направление: гаражи, квартиры и тому подобное. Неплохо. Рад за начальника. Ну, понятно, его заместитель вместо него... Что-то зачёркнуто. Сначала был другой. Кто? Не разобрать. Не из инструкторов же. Наверное, со стороны. Но не ниже секретаря какого-нибудь парткома. Вот нахлебались бы! – Новицкий вдруг осёкся, и мысль пошла по другому кругу. А почему лист остался на столе? «Первый» с кем-то совещался и, уходя, позабыл. Потом было заседание исполкома, где отчитывалась Петрова.

Ага! Значит, сидел-то он с главным «орговином». Тот готовил фактуру по Петровой... Понятно! Забыл. Давай дальше... А вот и «Прохор»! Стрелка в сторону от бюро райкома партии. Куда-то вниз. Ну, да, наверное, в горком ВЛКСМ. Даже не написано – кем. А замзав-то наш каков? Как в воду глядел, когда пророчил новую работу для вредной тётки, заведующей идеологическим отделом. Главного «идеолога» в музей таки и пошлют! Тут что-то ещё... На самом верху. Уже без фамилий. Одни буквы.... Похоже, что это инициалы... председателя исполкома. Куда-то в город. А, может, нет... Владимир расстроился. Не понять! Да и про него-то ничего нет.

Особенно переживать по этому поводу Новицкому не пришлось. В ту же секунду начали, надрываясь трезвонить все дежурные, ремонтные и аварийные службы. И потом непривычное и рискованное дело – смаковать внутренние интриги. Это всегда была наглухо закрытая тема для всех в аппарате.

Оказалось, на территории района прорвало трубопровод с радиусом трубы в полметра. Бьёт высоченный столб воды, который размыл кучу гектаров недавно засеянной совхозной земли. Не поступающая в сто сорок пять жилых домов вода залила большую территорию и уже приближалась к железнодорожному полотну дороги «Ленинград – Выборг». Опасаясь аварии, Финляндский вокзал приостановил отправку поездов. На платформах и вокруг вокзала скопилось много народу. Наверное, непривычное зрелище. Электроснабжение всех населенных пунктов вдоль железной дороги, вплоть до станции Репино, согласно инструк-

ции, отключили. В онкологическом медицинском центре в посёлке «Песочный» во время операции прервалась подача электроэнергии, а генераторы у них, как и следовало ожидать, неисправны...

А что делать-то? – не подумал, а почему-то вслух произнёс дежурный, как будто к кому-то обращался с вопросом.

Никого рядом не было.

Владимир, конечно, знал, что у всех на такой случай есть свои инструкции, и, тем не менее, все продолжали звонить ему. Вот она – «вертикаль» в действии. Первым делом «разбавить» ответственность: срочно звонить заведующему промышленным отделом и дежурному горкома! «Черт. Разная информация-то. Горкому незачем знать про депутата. Да и про объект тоже ни к чему. Будто я, такой великий, один про это знаю. Уж, наверняка, все всё знают. Пока он размышлял, телефоны по-прежнему надрывались. Пошла цепная реакция звонков отовсюду. Из совхоза – погибли посе́вы. С вокзала – когда дадут электроэнергию? Эти же вопросы от населения и из больниц. Про воду почему-то не звонят. Хлебозавод обозначился: «Утром не будет свежего хлеба в магазинах, – запинаясь, будто плача и боясь всего на свете, кричала в трубку директор. – Обязательно запишите: «передала Швецова».

Вот еще горе-то! – подумал Новицкий.

Трудно однозначно сформулировать, что конкретно в этой ситуации делал дежурный по райкому. Наверное, что-то непонятное, эмоционально-энергетическое. Главное было – принимать звонки, не создавая вакуума власти, и уверенно на них реагировать. Пусть даже ничего конкрет-

ного и нового он и не говорил. Новицкий ясно понимал, что все, кто ему звонил, ждали, пожалуй, только одного: чтобы там, где он сидел, «наверху» просто услышали их доклад и тем самым взяли большую часть ответственности на себя. Им становилось спокойнее, их рассудок освобождался от давления лишних эмоций, и они сами принимали нужные решения. Обычные жители и пассажиры поездов – те просто ждали, верили и ждали.

Конечно, что-то пришлось сделать, что называется, власть употребив. Из Военно-медицинской Академии срочно доставили и наладили генератор в онкологической больнице. Экскаваторы районных ремонтных служб прокопали целую траншею прямо по газонам сквера, чтобы хоть немного задержать поток воды, приближавшийся к железнодорожным путям...

Владимиру всё это вдруг напомнило одну из серий фильма «Граница». Там главный герой, его играл Старыгин, на фоне всеобщего бардака, неразберихи и опасности вдруг начал отдавать чёткие, единственно понятные солдатам, уставные команды. И всего восемь человек с винтовками, штыками и пулемётом только своей организованностью остановили толпу. Что-то похожее было и сейчас. По крайней мере, дежурному так казалось.

К утру все проблемы снялись. Оставалось лишь всё это описать суконным языком в официальном журнале ответственного дежурного.

Часов в шесть позвонила директор хлебозавода.

– Извините за беспокойство, это опять я. Хотела спросить, как там, в журнале, отметили, что утром не будет све-

жего хлеба? – Владимир её успокоил, – спасибо, спасибо большое.

С войны, что ли, у них рефлекс: не будет утром хлеба – расстрел! – подумал Новицкий.

Ещё через час позвонил его начальник.

– Ну что, дорогой ты наш? Ехать на работу-то или как? Может уже всё, конец света? Или всех повысили? Как там у тебя в журнале записано?

Владимир сразу вспомнил про листочек на столе «Первого» и не стал про это говорить своему начальнику. И потом не говорил. Ему казалось, что это было бы неприлично, что ли.

– Всё читать? Последняя запись: «сообщение директора хлебозавода о том, что они не успевают...»

– Вова, знаешь что? Ты дождись «Первого» и вали домой спать, – а через секунду добавил, – если, конечно, нет «горящих» писем.

Ничего «горящего» у Новицкого не было никогда. Много – было, а «горящего» – нет. Он встал из-за стола и, вспомнив про необыкновенный туалет с блестящим кафелем на стенах, гордо прошествовал туда, умылся, вытерся чистым вафельным полотенцем и вернулся на место. «Хоть какая-то радость», – громко сам себе сказал дежурный, даже не вспомнив о «волшебных» листочках с фигурками, которые по-прежнему лежали на столе у «Первого».

Телефоны молчали.

Владимир не был у аппаратов минут пять. Это немного. Да и утро было раннее. Ему вспомнилось вдруг, как полгода назад в одном из райкомов за один день уволили

инструктора, который просто взял и с самого начала своего дежурства снял трубки всех своих телефонных аппаратов и принялся дочитывать детектив. Уже через два часа приехали из горкома. Он, дурило, додумался и «смольнинскую» снять...

Утром в приёмную вошёл «Первый», невысокий, средних лет, лысоватый, похожий на Бормана в «Семнадцати мгновениях весны», неприметный такой, пальто расстёгнуто, пыжиковая шапка в руке, человек. Никакого портфеля или папки.

«Прозрачный». Хорошо ему! У него нет конкретной работы, ходит себе налегке, – промелькнуло в голове у дежурного, когда он выходил из-за стола, чтобы встретить своего прямого начальника. Первый секретарь, не останавливаясь, кивнул головой, быстро и легко произнёс.

– Что нового в районе?

– Вчера вечером погибла заведующая РОНО Петрова, – аналогично легко и быстро отозвался Новицкий, – и был задержан милицией пьяный Прохоров.

«Первый» остановился. Из-за его спины было видно, как побагровели, а потом зашевелились его уши. Информация явно ошарашивала. Больше всего, наверное, её логическая последовательность. Похоже, главный «орговик» берёт своего шефа и не беспокоил этой ночью. Первый секретарь резко повернулся. На его лице появлялись, исчезали, снова появлялись какие-то сомнения, может быть, насчёт его косвенной вины или самих фактов, доложенных дежурным. Он стоял прямо перед дверью в свой кабинет, смотрел растерянными глазами в окно и, казалось, чего-то ждал. Новиц-

кий даже подумал, что тот ждёт, когда ему откроют дверь в его же кабинет, слова вдруг сами начали выскакивать.

— А ещё вчера был зафиксирован в небе неопознанный объект, — кожей ощущая всю глупость произносимого, Владимир с прежней скоростью продолжал говорить. Он готовился к длинному перечислению ночных аварий.

«Первый» перевёл взгляд на дежурного. По всему было видно, что начальник сомневается в его дееспособности.

«РАССТАНОВКА»

У инструкторов райкома такая судьба: два года прошло – должны или повысить или понизить. Другого не дано. Бывали, конечно, долгожители. Это те, кто ни на один грамм, ни на один сантиметр не сделает больше указанного начальством. Их держали совсем не потому, что они на свободе не выжили бы. А просто оттого, что начальству удобно иногда просто отдохнуть, совсем ни о чём не задумываясь. Нужно только однажды точно и однозначно сформулировать задачу, и она именно так, как сформулирована, будет выполнена. Если при её выполнении произойдет что-то непредвиденное и требующее немедленной реакции – не обессудьте.

В итоге таких расстановок получалось: кто-то начинает дело, но не ему заканчивать. А тот, кто закончил, – не начал. Не ему и почести. Удовольствие от успеха – это из другой жизни. Радуйся самому процессу и – что вовремя всё сдаёшь, всех собираешь, всюду бываешь и всегда поспеваешь... Если бы не «системные мероприятия», большинство аппаратчиков занимали бы что-то наподобие сексуальных расстройств от постоянно «прерываемых актов»... Результат отсутствия результата.

Все отдавали себе отчёт, что аппарат – место для расстановки и воспитания кадров, а не для получения от них отдачи по существу!

Результат может быть только у руководителя – хоть завода, хоть района, хоть целой страны... Для того, чтобы

тебя сделать одним из руководителей города, к примеру, нужно тебе побыть в аппарате обкома, набраться всего специфического, что там есть, и «поубирать» свою угловатость, неровности в поведении, характере. Затем – побыть секретарём райкома. Не первым, конечно, но и не ниже второго.

Мол, партийным руководителем тоже был – не просто исполнитель. Неплохо бы председателем исполкома побывать, где попроще – «Имеет опыт советской работы», может чем-то и поуправлять при случае. ????

А в огромном живом организме под названием Государство шла своя игра в «расстановку».

Ушёл из жизни один выдающийся деятель, на его место пришёл другой, пока ещё только видный. Все райкомы бросились искать по фабрикам и заводам забытый всеми «заводской гудок». Его приказано было включить по всей стране в определённый час во время похорон. Но технический прогресс с легкой руки инструктора, отвечавшего за это направление, успел за считанные месяцы уйти так далеко, что найти простой заводской гудок не представлялось никакой возможности. Не найти гудка – и всё тут! Но инструктор-то, какой молодец! Он и тут оказался «новатором»: просто записал на магнитофон непрерывный гудок телефона и пустил потом этот «революционный зов» на весь район через громкоговорители.

Остальные работники райкома во главе с первым секретарем сидели в зале заседаний и смотрели прямую трансляцию похорон. Когда прозвучал гудок, все без команды вста-

ли и долго стояли, каждый на своём точно закреплённом месте, пока в Москве, около Кремлевской стены опускали в могилу гроб. Его уронили, подправили, снова опускали... Наконец, вроде бы, всё завершилось, и гудок прекратился. Все продолжали молча стоять. Никто не посмел сесть. Кто-то должен был это сделать первым. «Первый» отрешённо смотрел куда-то в окно...

А в это самое время, вся «свердловка», тоже не упала лицом в грязь. Она по своему отдавала дань уважения бывшему генеральному секретарю. Тщательно подобранные орготделами райкомов врачи вывели в фойе всех своих пациентов, кроме тех, что в реанимации. Нужно смотреть похороны по телевизору!

В гинекологическом отделении лежал по большей части не «актив», а только, так называемые, «члены семьи». Эти сами не догадываются, как нужно себя вести в такой важный для всей страны момент. Главврач отделения не растерялась и быстро сообразила, как проявить всем отделением те качества, которые она настойчиво формировала в себе. Она убедительно призвала всех больных встать, как бы им не было трудно и неудобно, расставила их так, чтобы всем был виден новый большой телевизор. Так и стояли «члены семьи» перед экраном полукругом на до блеска начищенном паркете, во фланелевых халатах, скрюченные, перекачивающиеся с ноги на ногу. Они и сидеть-то не все могли.

Как тогда говорили, в «свердловке» полы паркетные, а врачи – анкетные.

ЧИСТОТА РЯДОВ

Сегодня Владимир Новицкий лишний раз убедился в правоте Конституции развитого социализма. Он сразу после обеда отправился на квартиру заявителя для рассмотрения ситуации на месте. Уже в первые дни работы в райкоме у него закрепилась привычка иногда позволять себе уходить домой сразу после обеда. Ещё не отошел от науки. Да и приятели из «гражданки», не понимая специфики бытия в аппарате, давали незамысловатые советы. «А ты скажи, мол, на собрание идёшь в какую-нибудь маленькую организацию, до которой не дозвониться». Новицкий понимал, что значительно лучше и безопаснее по пути домой навестить какого-нибудь заявителя. Сколько ты у него сидел – никто не знает. Может, до ночи. Главное потом вопрос решить – закрыть его письмо. В этот день он так и поступил, отправился к очередному заявителю.

То был старик, худой и седой, в пиджаке с орденами и медалями, наверное, специально надел его для «райкомовца». Он подвел инструктора к окну и показал стоящие во дворе, прямо на газонах штук пять разношерстных самодельных гаражей. Они явно портили весь вид из окна.

– Ну, правильно. Непорядок. Нужно снести. В исполком обращались?

– Много раз.

– И что? Есть ответы?

– Да вот, – и старик протянул письмо месячной давности на бланке райисполкома за подписью Председателя.

Там чёрным по белому было написано: «Все гаражи во дворе Вашего дома снесены»...

Во как! Не зря все звонят дежурному по райкому. Шестая статья Конституции в действии! – подумал Владимир. – Что есть исполком, что его нет... Они, конечно, тоже много чего делают, но чтобы так запросто в письменном ответе заявителю подписать полную чушь?

Что-то чуть-чуть сдвинулось в мозгу у Новицкого и повернулось совсем в другую сторону. Он вдруг представил себе один единственный и самый объективный ответ на многочисленные письма, направляемые ему руководством по поводу самовольного строительства гаражей в кварталах новостроек, а заодно и домов, автомастерских и прочего прямо тут, в посёлке, находящимся в черте города.

Придя в кабинет, он вытащил все свои записки и заметки по поводу тех писем, что прошли через него за последние месяцы, копии официальных докладных «Первому» по каждому из них. Получалась интересная картина. Её не сдвинешь, лишь реагируя на спорадические письма с мест. Нужны обобщения, нужно запросить переписку исполкома с поселковым советом. Может, были какие частные решения власти по этим вопросам?

Постепенно родилась подробная «бумага» на семи листах. В ней указывалось свыше пятидесяти случаев нарушения законодательства, самовольного возведения строений, незаконной сдачи их в аренду, захвата чужих дачных домов, строительства мастерских, левого дохода и тому подобное. Новицкий не без гордости за проделанную работу, а больше с радостью, что уйдёт, наконец, текучка с

этими нескончаемыми письмами, передал документ «Второму».

— Надо бы обновить и освежить. Здесь, Владимир, много довольно старых фактов. Мы ведь на них реагировали уже. Так? Или это были полумеры? Тогда как?

— Выходит, что полумеры, — ответил присутствовавший при этом замзав отделом.

— А вообще-то, простой ты, Вова, — продолжил «Второй», — ты хоть знаешь, что это за земля и кто там живет?

— Есть обновить! — поспешил произнести инструктор, не рассуждая.

— Ну и ладненько, — «Второй» закончил короткий диалог и повернул тему в привычное русло, а замзав принялся живописно иллюстрировать второму секретарю райкома битву за план.

Новицкий вновь окунулся в дебри недвижимости и документооборота. Он «надыбал» кучу свежих фактов, о которых ещё никто не писал. И вот только теперь, когда, как тогда говорили: «сигналы с мест инициировали комплексную проверку вопроса, а это в свою очередь привело к объективному подходу к проблеме», когда была проанализирована вся картина, а не только её лоскутки, пусть и самые грязные, только теперь документ «приобретал партийность и принципиальность». Наверное, это было правильно.

«Второй», завидев в конце коридора этого надоедливо-го и чересчур принципиального ответственного работника, свернул к заведующему орготделом. Через пять минут он вышел и всё равно столкнулся с поджидавшим его инструктором. Справочка, как учили, лежала в папочке. Та плавно

перекочевала из рук Владимира ко второму секретарю. Он неохотно и очень осторожно, будто сапёр, понес «бомбочку» к себе в кабинет.

Шли дни, потом недели. Что-то не чувствовалось запаха разорвавшейся бомбы. Все сидели на своих местах, письма, по-прежнему, шли и шли из того гадюшника, которому Володька уделил столько времени.

Очередное письмо из зоны самостроения окончательно его достало. Это было письмо в «Правду». На карточке написано: «Дать ответ заявителю». А дальше там, где стояло – «Копию ответа направить...» – был прочерк. Вот спасибо-то! Как раз тот случай! – с патологической радостью подумал инструктор. То есть, подготовленную им справку по этому письму должен был подписывать «Первый». И потом она никуда не уйдет, а останется в общем отделе райкома. То, что и требовалось.

Обычный бланк, привычный заход, все мягко, звучно, словно любимая песня. Главное так, чтобы тебя никогда не уличили во лжи. «В настоящее время не установлено...» Может, потом когда-нибудь... «Не представляется возможным...» – И опять же только в настоящее время и всего лишь мне. И так далее и тому подобное. Однако в конце ответа на это конкретное письмо вскользь указывалось, что ранее уже приходили подобные письма, ситуация была специально проанализирована и соответствующая справка прилагается для рассмотрения руководством района. Справка была с грифом «секретно», чтобы не выбросили невзначай, её дата, конечно же, сегодняшняя. «Второй» не подставлен. Все хорошие и правильные.

Инструктор с нетерпением ждал реакции. Её опять не последовало. Единственное, что сделал этим ответом Новицкий, он подставил начальника Общего отдела. Ведь если «Первый» подписал справку о письме, то она уже в нарушение всех правил подшита в папку с негрифованными ответами на все письма. Редко кто обратит внимание на прикрепленную к справке секретную аналитическую записку.

К концу дня инструктора райкома Новицкого вызвали к председателю районной КПК – Контрольно-партийной комиссии. Вот она, реакция на папочку! – Владимир был уверен, что вызов неспроста. – Это всё из-за неё, родимой. Обычно ничего хорошего от такого приглашения не ждут. Компетенция КПК – чистота рядов. Там работали чаще всего пенсионеры, которым всё до фени. Они были генетически заряжены только на поиск проколов. Причём, большей частью, морально-политического свойства.

Худошавый старик, с весьма неглупым удлинённым лицом и красивой седой шевелюрой уверенно протянул Владимиру руку, очень энергично стал её трясти и говорить что-то о своем крайнем удовольствии от работы молодого инструктора. Так тряс, будто теперь ближе и приятеля у Новицкого не будет. То, что так удивило Владимира, было всего лишь привычной для председателя КПК вежливостью, которая иногда походила даже на угодливость, если бы не громадная власть, которой располагал Артур Федосеевич. Он был предельно корректен почти со всеми, кого приглашал в свой кабинет, любезен – и с Новицким Председатель почти всегда проявлял внимание даже к самым рядовым работникам партийного аппарата и потому пользовался у

многих несомненной симпатией. Однако более наблюдательные рассказывали, будто взгляд светлых глаз Артура Федосеевича неприятен. При всей корректности и вежливости он не мог подчас скрыть присущей ему сухости и равнодушия к судьбам людей. Но одно называли особенно примечательным. Известно немало случаев, когда председатель районной КПК оказывался весьма снисходителен к некоторым членам партии – ответственным работникам райкома или исполкома народных депутатов, к тем, кто замечен в нехороших делах, неблагоприятных поступках или даже злоупотреблениях. На самом деле немало бумаг и докладных записок, которые должны бы послужить поводом для немедленного разбирательства и сурового наказания, прекращали свое движение в сейфе Артура Федосеевича. Возможно, в этом и состояла одна из причин его влияния и власти?

– Ну что, красный молодец? Как поживаешь? Как дела? – улыбаясь и всё ещё пожимая руку инструктору, мягко, но отчётливо произнес Артур Федосеевич.

Имя «Артур», может быть, хорошее для полярников, в этих стенах работало не в ту сторону. Председатель комиссии это знал и потому всегда старался вернуть про свои родственные связи с известным чекистом. Мол, его называли родители в честь Артузова. Но, боясь выявить эту связь, называли сокращённо.

Не дождавшись реакции на «американские» вопросы, медленно поднимая голову и смотря прямо в глаза Новицкому, председатель чуть слышно произнес: «У кого ночуешь?»

– Сегодня? – Владимир не понял вопроса и тем самым ещё больше усугубил ситуацию.

– А хоть сегодня, хоть завтра...

– Как у кого? Дома ночую, – быстро пробормотал инструктор, – а что?

– Это я тебя спрашиваю: «Что?» Неделю назад, во вторник в восемь сорок тебя видели, как ты садился в автобус за две остановки от райкома. Ты что же переехал, то есть проживаешь не по месту прописки, или там живут родственники какие? Вроде бы, как мне доложили, ни то, ни другое. Что это значит? Как ты думаешь? – Председатель остановился, строго-престрого взглянул на инструктора и скороговоркой «выстрелил», – А значить это может только одно. Загулял мальчишечка! Слово «загулял» прозвучало так убедительно, что Владимир, чуть ли не поверил в это и начал панически вспоминать, у кого же это мог быть в то злополучное утро. И дело было не в том, что он, якобы загулял. Криминал заключался в другом. Новицкий это сразу понял. Просто следующим шагом после «загулял» обычно бывает развод. А вот здесь-то как раз и начинался весь ужас партийного бытия. Слово «алименты» никак не могло быть рядом со словами «партийные взносы». А именно из них выдавали зарплату аппаратчикам. Это «круглый квадрат»! В голове у инструктора райкома быстренько через все извилины пробежали эти незамысловатые аксиомы, рубашка как-то сразу вдруг стала мокрой и неприятно прилипла к телу...

Через секунду Владимир все вспомнил и почти успокоился. Что говорить-то ему? – подумал Новицкий. – Лучше правду. Нормальная вещь. А вот, если залезет такому в па-

мать что-нибудь про баб, всё, сливай воду. Это у них, у стариков, наглостью называется. Вроде, «не как все».

— Никак нет, Артур Федосеевич, дома у меня всё в порядке. Просто тогда во вторник я почти перед самым райкомом выходил из автобуса на улицу. Мне нужно было... Тошнило. Зашёл в помойку и блеванул. Тошнило с самого дома. Накануне вечером выпил лишнего с родственниками. Хотелось в райком свежим придти. Извините.

Он помолчал немного и подобострастно добавил: «Как это Вы, Артур Федосеевич, всё видите? Это ж уму непостижимо!». Лесть на Артура Николаевича не действовала в принципе. У него на неё был генетически заложен иммунитет. Схватив тему, как клещ, он продолжал допытываться.

— А что за родственники?

— Брат с женой. Лет пять не виделись.

— Зачем же столько выпили? Что, много проблем? Какие такие проблемы?

Новицкий уже знал, что для «совести нашей эпохи», так они меж собой в отделе называли КПК, есть только два мотива пить: «с горя» — то есть из-за проблем и «с большой радости». Последнее для них неинтересно, потому что советский человек чаще всего рад. Рад, что есть работа. Рад, что учат и лечат бесплатно. Рад, что есть жильё и, что потом обязательно будет пенсия... В конце концов, рад идти с друзьями на демонстрацию и демонстрировать там эту радость, а потом радостно выпить.

— А вот не из-за проблем пили, Артур Николаевич, из радости воспоминаний детства... Под конец все спорили, у кого в течение целого дня не было новых царапин, ушибов,

мусоринки в глазу или мозолей от новых сандалий... Так и не решили.

Председатель смотрел на Новицкого из-под руки, касающейся лба. Это был взгляд, прощупывающий и взвешивающий каждое слово инструктора. Взгляд с пристрастием... Однако он явно не ожидал такого поворота. Детские физиологические подробности вконец разубедили старого КПК-ашника, который уже, было, дал волю своему богатому воображению, и в его голове уже лопались перепонки от громкого звучания совершенно жутких слов, соединившихся вместе при виде Владимира Новицкого: «алименты» и «партийные взносы».

Так наврать – нереально, – быстро подумал «родственник» Артузова и столь же быстро произнёс.

– Иди. Сегодня некогда мне с тобой, – председатель тут же спохватился. Он явно терял возможность занять своего агента в промышленном отделе. – Ты заглядывай к старику. Что-нибудь пообсуждаем... Тебе нужно учиться пить, Вова.

Когда Новицкий появился на своем этаже, его сразу же перехватил всезнающий заместитель заведующего отделом и, заводя в свой кабинет, тихо, но жёстко спросил.

– Чего выпрашивала “Совесь нашей эпохи”?

– Кто-то ему напел, будто я жене изменяю.

– Напел или накапал? – Замзав явно пытался сходу прощупать опасность, не вникая в суть. Он хорошо понимал разницу в этих словах. И произнося второе из них, как бы намекал подчинённому о возможной цели его визита в КПК. Ведь, разговор инструктора с «Артуром» был очень короткий. Именно это особенно напрягало начальника.

Новицкий молчал.

– Так что же, ты, уважаемый? – Отчётливо прозвучавший вопрос замзава как бы подводил итог всей работы инструктора в аппарате. Ещё мгновение и всё – «на гвозди!»

– Я аргументировано доказал обратное, – болезненно улыбаясь, ответил Владимир. – А кто напел? К бабке ходить не надо – «идеологи».

– Ну и как же у тебя с планом теперь? – Начальник это произнёс так, как будто секундой раньше он спрашивал у Новицкого то же самое.

Разговор быстро перешёл в неинтересную плоскость. Замзав и так всё знал про план. Ведь «Первый» в любой момент мог его спросить по белому телефону.

Выйдя из кабинета своего шефа, Владимир всё-таки решил поинтересоваться прохождением его записочки по письму «входящий номер 157/10» Как там дела? «Первый», «закрыл»? Или нет ещё?

Оказалось, что «закрыл».

Теперь-то, что делать? Этот, получается, тоже ничего не увидел. Не понял или не захотел увидеть? Главное, что его аналитическая записка с конкретными предложениями по сносу строений и наказанию виновных официально зарегистрирована и хранится в райкоме. Правда, не в той папке, в какой следовало. Секретные документы должны быть вместе с секретными. Ой, подишь-ты, какое нарушение! Там чиновники воруют, а тут бумажка не туда подшита.

Переполох, начавшийся в Общем отделе, не мог пройти незамеченным для руководства. А знать тонкости и, тем более, специфику работы этого отдела никто и права-то

даже не имел. И «Первый» тоже что-нибудь да не ведал в их деликатном деле.

Справку пришлось «вытащить» в свет. Прямо, как в Горлите писали: «В свет и в печать разрешаю». Партийных поручений не последовало. Состоялось инициативное обсуждение вопроса на Исполкоме. Его юридические службы сразу же обнаружили прямой подлог в правоустанавливающих документах. Жилищно-коммунальным службам было поручено снести незаконные мастерские по ремонту автомобилей. Двух начальников отделов исполкома освободили от работы, на одного завели дело. Зампреду объявили выговор. Всё.

Нет не всё! Никогда такие службы ничего ещё не сносили. Это спустя десятилетия появились приставы и омон. А тогда... Потребовалось ещё дважды письменно «обращать внимание» Председателя исполкома на то, что не выполняется его же решение.

«Подумаешь, не выполняется! — отвечали Новицкому в орготделе. — Эка невидаль! Небось, процентов тридцать всего и выполняется...» Тем не менее, такие письма и по конкретному поводу уходили только за подписью «Первого». Только он в районе мог «обращать внимание» Председателя исполкома. А готовить эти письма могли только инструкторы орготдела. Они курировали коммунистов исполкома. Такое было разделение прав и ответственности.

Жители поселка надолго запомнили сцену, словно из спектакля, когда начальник районного жилищного управления в чёрном костюме и белой рубашке с галстуком стоял с ломом в руках на крыше полуразрушенного строения ма-

стерских по ремонту автомобилей. Трактор уже сделал своё дело, экскаватор — тоже. Вокруг зеваки, чиновники, местные жители. Хозяин самостройка снимал это на камеру.

И вдруг всё почему-то остановилось...

В полуразрушенном боксе стояла беленькая, чистенькая, только что выкрашенная «Волга» с номерами председателя поселкового Совета.

СИСТЕМНОЕ МЕРОПРИЯТИЕ

Все уже собирались уходить домой, как вдруг в кабинет, где сидели три инструктора: «идеолог», «орговик» и «промышленник», заглянул «Ленин». Так промышленники – очень тайно – называли своего «замначальника». Внешне был похож и всегда всё знал. Кабинеты райкома, как специально, были так спланированы, что если чуть приоткрыть дверь, то виден только стол инструктора - промышленника.

Сергей Свиридов поднял глаза от бумаг. Его непосредственный шеф лишь незаметно мотнул головой и удалился. Понятно: рабочий день продолжается. Нужно собрать в кучу всё, что писал к завтрашнему утру, сложить в сейф, срочно одеваться, не брать ни портфель, ни удостоверение, не задавая вопросов, выходить на улицу, садиться в микроавтобус и ждать. Давно вызревавшее «системное мероприятие» не только обозначилось, но и как говорят дипломаты, явно проявилось.

В этот раз район на район. Недавно они потратили кучу времени на подготовку вопроса на бюро горкома о работе одного из райкомов по повышению качества выпускаемой продукции. То есть, готовили, конечно, не они. Им было поручено всё проверить и выступить в качестве оппонента. Что и проделал с успехом их «Первый». Бюро прошло как всегда, когда вопрос – дежурный, а не специально задуманный, например, для смены руководства или ещё зачем. Вот теперь промышленный отдел того самого района их пригласил на «мероприятие» по обмену опытом. Дату и время

заранее никогда никто не знает. Во-первых, как ни странно, так удобнее. А во-вторых, действительно, все в аппарате от всего зависят и не могут так вот запросто планировать своё время.

А время для ответственных работников – огромная пирамида. Её основание – текучка, мероприятия, совещания – у себя в отделе, внизу, в «первичках» и, конечно, наверху, у начальства. Девяносто процентов времени. Еще пять – для творчества и внедрения чего-то нового, остальные – для страховки первых девяноста. Обычно эта пирамида переворачивается и накрывает текучкой все благие намерения начинающего или уже заканчивающего свою карьеру ответственного партийного работника.

– Ну что, товарищи пион-э-эры промышленности, начнем постигать премудрости аппаратной работы! – заведующий промышленно-транспортным отделом райкома Соколов встал, держа в руке проверенный годами сорокамиллилитровый гранёный стаканчик, такая тара стандартна в любом райкоме. – Чтобы не иметь «проколов», нужно всегда помнить четыре золотых правила! Так вот я хочу поднять этот маленький, не побоюсь этого слова, незаменимый, в нашей работе стаканчик, – Владимир Иванович с умилением посмотрел на свой и продолжил, – за самое первое золотое правило. Без него у нас не было бы удовлетворения от работы, что, пожалуй, самое главное... Ты согласен со мной? – Соколов вдруг посмотрел на паренька в простыне, который сидел дальше всех от тостующего и уже пытался что-то взять со стола, и продолжил. – У аппарата изначально нет никакой власти! Вы всё это по-

нимаете не хуже меня. Но ведь, что занимательно? В чём таинственность и радость нашего существования? А в том, что власть мгновенно возникает из ничего, как только твоя бумажка будет подписана тем, кто эту самую власть имеет. – Соколов опять взглянул на парня, показал на него рукой, а потом обвёл взглядом всю команду и добавил, – вот момент истины! – Все тихо и внимательно внимали. – Отсюда вывод. Чтобы такое сказочное превращение хоть однажды случилось, а потом множилось и множилось, нужно... Что? Пустяк! Все резолюции начальства и пункты постановлений исполнять точно и в срок!

Собравшиеся аплодировали.

– Алаверды, Иваныч, – вставил, поднимаясь со стула, заместитель, Лагунов. – Хочется добавить, технологический нюанс. В этой норме первично понятие – срок. Выполнить поручение некачественно или неполно – значительно меньшее зло, чем не в срок. Что-нибудь, но обязательно доложи в тот день, который указан начальником на бумажке...

– Иначе – наглость! – с гордостью добавил хозяин сходы, понимая, что его реплика пошла в тему.

– Точно так! Иначе – наглость, – убеждённо заключил Соколов. – После паузы он продолжил иронически-официальную часть. – Я благодарен присутствующим на нашем представительном кворуме за эти важные дополнения и пояснения. Это сделало разноцветную палитру наших «проколов» ярче и посему понятнее. А если возможность ошибки идентифицирована, ещё лучше сформулирована – значит, она нам уже не опасна! Итак!.. За наше первое правило бытия со всем многообразием сопутствующих ему нюан-

сов, как технологического, так и морально-нравственного характера!

За большим круглым столом сидело человек десять в белых простынях и в шапках. У гостей шапки были белые. У хозяев – коричневые. Все бодро встали. Казалось, будто десять привидений собрались вместе на профсоюзное собрание и сейчас начнут аплодировать, услышав привычные словосочетание «Леонид Ильич». Но все степенно чокнулись стаканчиками, залпом выпили, одновременно сели и принялись за закуску: солёные белые грузди, политые подсолнечным маслом и посыпанные кольцами репчатого лука. Рядом на столе имелись ещё и другие тарелки. С копчёной грудинкой, «стружкой» из замороженного сала, солёными огурцами и очищенным чесноком. В центре стоял большой чугунок с отварным горячим картофелем. Над ним поднимался пар, а внутри, ровно посередине, медленно таял кусок сливочного вологодского масла. Сверху весь чугунок был слегка посыпан сушёным укропом. Всё это добро источало божественный запах.

Однако, никто не посмел притронуться ни к чему другому, кроме груздей. К еде приступать можно только после того, как обе стороны выскажут свои первые мысли. Мало того. Они ещё должны быть про одно и то же.

– С вашего позволения я продолжу, – поднимаясь, сказал Владимир Иванович. – В первом правиле много тонкостей. Пожалуй, за каждую, за каждую в отдельности, придется сегодня и выпить, и произнести тост. Вы же понимаете, что эти два, такие близкие друг к другу действия, не

всегда идут по жизни рука об руку... Что мне больше нравится и больше всего помогает? Отвечу! Быть в курсе всего! В любой момент знать все основные цифры района и «твоих» предприятий.

– А ваш «Первый» на бюро горкома не зна-а-ал, – не очень вежливо, перебивая своего начальника, добавил Лагунов. – Когда ему задали вопрос о новостройках района, он молчал дольше положенного.

– Тема была – качество, – возразил один из инструкторов промышленного отдела другого райкома, вынимая из холодильника следующую бутылку водки. – Его к ней готовили. И, потом, он не аппарат...

– Еще какой аппарат! Для горкома-то! – выкрикнул кто-то из «соколовских», разливая живительную влагу ближайшим пятерым.

– Кстати, кто-то в горкоме прилично пострадает, как мне ка-а-зется, – таинственно промолвил хозяин сходки. – Надо же до такого догадаться: слушать на бюро вопрос о качестве именно тот район, где самое важное предприятие – «глушилка» вражьих голосов.

– Но ведь качественно глушите! – сказал Соколов. – Вам сам Бог велел. Спальный район. Все перед сном обязательно захотят «жареного», подсядут к японским «Сони» да голландским «Грюндикам», а вы им: «Низ-зя-я! Вредно для здоровья!». Сидящие за столом начали по очереди обыгрывать эту тему, забыв про все золотые правила.

– Услышат треск и обязательно должны сделать один, но очень правильный вывод...

– О поганом качестве импортных приемников...

– Поэтому задача стоит именно так! Нужно не только повышать качество своих товаров, но и снижать его у чужих...

– Именно это и имели в виду, когда придумывали заслушать ваш район.

– И правильно! Тогда будет действительно комплексный подход к проблеме.

– Тем не менее, ещё раз закрепим, дорогие друзья, второе правило. Знать все основные цифры района и в любой момент ещё лучше знать, какие из них произнести, – Соколов снова поднял стаканчик.

Все выпили по второй и взялись за своих «Первых», как будто им наступили на свежую мозоль. Ну конечно! Основные проколы проявляются именно на них. И их реакция на ошибки – определяющая. Как им покажется, так и поступят.

– Согласен, коллеги! – глубокомысленно произнес хозяин встречи. – И надо сказать, нам просто повезло, что «Первый» так ничего и не понял.

– Можно проскочить бюро горкома, но справедливой критики братьев по оружию не избежать, – заключил Соколов. – Завтра вы нам покажете наш бардак, сегодня – мы ваш.

– Это второе золотое правило любого аппаратчика, – обобщил Лагунов, держа в руке вновь наполненный стаканчик. Он даже не сказал ничего нового. Однако опять все, не сговариваясь, встали, чокнулись, сели и только теперь принялись за еду. Основные тезисы сторон были озвучены. Тема для диспута замешана. Единение душ было налицо. Поехали!

Начальники пошли принять первый пар.

Начался всеми любимый период мероприятия, когда любой мог сказать что угодно, и это должно было восприниматься как тост. Выпили ещё раз пять или шесть. Стаканчики осушались полностью и всеми. За этим следили все сразу, и при проявлении кем-нибудь хотя бы малейшего, еле заметного «малодушия», поднимался такой вой, что все забывали, зачем собрались и где парная.

Надо сказать, что быстро прививаемое здесь качество анализировать всё подряд, просто не давало пьянеть. Даже «соколовский» инструктор-строитель, который обтёсывался в отделе с полгода и с большим трудом отошёл от перманентного мата, заменив его на всякого рода слова-паразиты, вдруг загнусявил.

— Здравствуйте, товарищи! — он сделал паузу и продолжил, — сидите, сидите. — Причем первую часть фразы инструктор произнес так, как это делал, объезжая войска, принимающий парад, а вторую, будто большой начальник или учитель вошёл в класс и, желая сказать присутствующим что-то важное, не хочет, чтобы те отвлекались на приветствие. — Я вот на что обратил внимание, уважаемые: после того как начальство ушло в парилку, понимаешь, мы уже выпили седьмую...

— Шестую, шестую, — закричали наперебой сидящие за столом инструкторы.

— Конечно, шестую, — заулыбался строитель. — Это я просто замерял проседание грунта под нами. Так вот, я продолжу. Из шести пять мы осуществили с вашей подачи. Есть такое дело? — Инструктор сделал паузу, провел рукой вдоль

левой части стола, где торчали коричневые шапки, и продолжил. – И всё, что мы услышали, так это, я не побоюсь этого слова, про баб. Я, конечно, это приветствую. Есть такое дело... Но, честное слово, только отчасти. Только отчасти, дорогие товарищи! Потому что сегодня наше аппаратное строительное... да и промышленно-транспортное сообщество испытывает огромные трудности, понимаешь. Вместо того, чтобы заниматься делом, нам приходится обхаживать всякого рода, я не побоюсь этого слова, заявителей. Ну, есть такое дело? Ведь так? И мне бы хотелось понять, где выход? Как быть, понимаешь? А женщины здесь нам не помощники!

– А я так тебе отвечаю, замечательный ты наш, – встав из-за стола, начал один из «коричневых», – конечно, мы все испытываем колоссальное напряжение в работе и каждый день делаем невозможное. – Он говорил до боли знакомым всем голосом генерального секретаря, проглатывая отдельные буквы и делая громкий вздох через каждое слово. – Но никакие трудности не смогут загасить теплоту наших сердец. Особенно, когда они бьются в унисон. И ещё лучше, если в унисон с сердцем нашей советской женщины-труженицы... понимаешь, – закончил он, теперь уже передразнивая «соколовского» инструктора-строителя.

Все заржали, громко зааплодировали и выпили седьмую.

Из парной вывалился, весь красный, Лагунов. Он плюхнулся в маленький бассейн с холодной водой, еле успев сбросить на пол свою шапку. Потом вылез, обтёрся простыней, снова надел белую шапку и подсел к инструкторам.

– Начальники всё ещё обсуждают заседание бюро горкома. Даже пар их не берёт. Кстати, веники лучше иметь дубовые, – замзав повернулся к последнему оратору, только что сорвавшему аплодисменты. Он, как и Соколов, всегда и в любом состоянии чувствовал ситуацию, расклад ролей и умел сходу встрять в любой диспут и определить лидера. Как будто всё время здесь сидел и никуда не уходил. – От них бархатный ветерок. Только если уж очень жарко, только тогда приятно поработать можжевельновыми...

– Те приятно покалывают, – встрял Свиридов, – а берёзовые нужны только в конце, для массажа. – Он любил парить. И знал в этом толк. Для него особенным удовольствием было видеть, как из пор на спине появляются маленькие капельки пота. Потом, размахивая веником, он сбивал их горячим ветром. При этом кожа «пациента» начинала краснеть и ждать удара веника, охлаждённого в тазу с холодной водой.

– Мы за па-а-ртией ид-ё-ё-ём, слава Родину дела-а-ами. И на всем пути большо-о-ом в каждом деле Ленин с на-а-ами, – вдруг запел ещё один из «коричневых», вероятно, пытаясь компенсировать опрометчиво допущенную ранее идейную ущербность своих товарищей.

«Соколовские» инструкторы, прикрывая рот рукой и опуская головы, еле сдерживали смех. Как вовремя «коричневый» вспомнил о Ленине. Они так называли своего замзава. Получилось очень естественно и логично. А Лагунов – «Ленин», в свою очередь, всё понимая и подыгрывая, сидел, гордо подняв голову и чуть наклонив её впра-

во, как это часто проделывал в паузах «Первый» обкома. Ну, не Ленин. Не Ленин! Так пусть хоть первый секретарь обкома партии.

– Молодец! – кто-то дал оценку поющему инструктору.

– Что касается заявителей, – опять заговорил один из «коричневых», – то здесь полагал бы целесообразным не забывать, что, отказывая им в девяносто девяти процентах случаев, ты избегаешь рисков и ошибок, а значит, почти сто-процентно прав с точки зрения выполнения своих функций, ничем не рискуешь и экономишь время для важных дел.

– То есть, здесь как в примитивной физиологии. Функция порождает орган, – внезапно произнёс Свиридов.

– Это что-то или очень умное или неприличное, встрял тот, что говорил про женщину-труженицу.

– Я имел в виду орган управления.

– Ну да, ну да... Что имею, то и....

Договорить не дали. Опять все заржали, потом вдруг встали, не сговариваясь, и, не пойми, за что, выпили. Наверное, чтобы подвести черту под вторым этапом.

Системное мероприятие продолжалось, набирая обороты. Всё перемешалось: и начальники, и подчинённые. Третий этап это позволял. Здесь, сидя напротив друг друга, каждый мог высказать всё, что у него наболело. Если напротив начальник – тем лучше. Кто-нибудь со стороны мог бы подумать: вот дураки! Ведь все всё фиксируют и, как машина, тщательно прокручивают в голове. И ни раз, и ни два. Как можно так откровенничать? Но поговорка – что у пьяного на языке, то у трезвого на уме – лишь прямая теорема. Обратная не всегда правомочна!

Эти ребята, заводясь с полуоборота и загораясь в споре, могли бы ещё и ещё говорить про свою работу и запивать это холодной водкой. Тема проколов была бесконечной. А учебников-то не было.

Конечно, все прекрасно знали и третье правило: блюсти секретность. Любая записка и уж, разумеется, постановление имели справа сверху гриф с этим незабываемым словом. Только никто и ничего про то не говорил, то было святое и всем понятное без дополнительных возлияний!

И четвертое правило знали! Ещё как знали! На эту тему имелось с десяток тостов. Хотя само правило уже только косвенно аюкалось на инструкторе. Оно не было связано с конкретным проколом аппаратчика, а больше относилось к тем, кого он курировал. Но раз он всё-таки курирует кого-то, то нужно, чтобы все курируемые в результате становились «хорошими». Иначе, что же за курирование такое?

Все сразу стать «хорошими» конечно не могут, как бы ни изворачивался инструктор райкома. То есть появляется некая субъективно устанавливаемая критическая масса руководителей предприятий и организаций, которые плохо работают. План не выполняют, или темпы роста малы, или климат в руководимом ими коллективе плохой. Морально-психологический. Если их, к примеру, больше половины – виноват инструктор.

Здесь споры не угасали в течение аж пяти тостов.

Совсем другое дело, если ошибки не производственные. Тут всё сложнее. Десять человек руководителей из тридцати напились и буюнили? Или, пять? Выяснилось, что

у кого как. Вот тоже ярчайший прокол аппаратчика. Не можешь остановить пьянку? Организуй её!

«Плохо хозяйствовать», неказисто выступить на пархозактиве или вдруг развестись со своей женой – вполне нормально. После «не вырастешь», но и не снимут. Нет! Именно напиться всем одновременно и буяннить!

Про аппарат в четвертом правиле – ни слова.

Любому аппаратчику и без правил было ясно: нельзя разводиться, если есть дети. И не то чтобы нельзя, но не рекомендуется иметь собственный автомобиль, его ведь надо чинить, а советский автосервис ещё слаб. Придется искать дефицитные запчасти, давать взятки. Откуда деньги-то и на «взятки», и на «алименты»? Из зарплаты. А она откуда берётся? Из кровных партийных взносов коммунистов! Не хорошо!

Буяннить, читай, не быть как все, конечно, тоже нельзя. От таких, наглых, сразу освобождались. После первого же «системного мероприятия» без всяких психологов становилось понятным, кто может пить и кто не может. Кто пьёт и потом вырубается, а кто пьёт и потом буянит.

Были и такие, которые относительно быстро достигали состояния «отравления организма». Они обычно уходили на последнем издыхании в туалет и минут через десять возвращались почти трезвые. Далее потреблять алкоголь им, конечно, не очень-то хотелось, однако достойно поддерживать мероприятие они могли.

– Послушайте, у меня алаверды, – ненавязчиво, но довольно нагло Свиридов прервал непрекращающиеся тосты коллег. Он только что появился из туалета и не мог не за-

метить, что коллеги опять сошли к одной, но бесконечной проблеме отношений мужчины и женщины. – А где же у вас ещё хоть раз упоминается имя Фрунзе, кроме названия района? Может, памятник какой есть или улица?

Установившаяся гробовая тишина отрезвила добрую половину присутствовавших смежников. Что факт, то факт! Их район ничего не связывало с именем легендарного полководца. Даже само здание райкома находилось на территории другого района. «Стыдуга»! А они всё про баб да про баб. Действительно, прав был Соколов, когда говорил, что можно проскочить бюро горкома, но искреннюю критику коллег по ремеслу, да ещё высказанную на «системном мероприятии», – никогда!

– Это к «идеологам»! Не наш вопрос, – с нескрываемой радостью нашёлся, что ответить гостям организатор встречи – заведующий отделом.

Соколов и Лагутин молча переглянулись. Свои на их лицах могли легко прочитать: «Да! Все районы разные. Но таких, как наш, есть в городе только три».

Было уже за полночь. Мероприятие неотвратимо подходило к концу. Кто-то из хозяев сложил всю грязную посуду и пустые бутылки в сумки. Начисто вытер стол, собрал веники, шапки, простыни. И теперь всё ровненько складывал на полки. Он жил рядом с «точкой». Остальные уже оделись. Вновь включился алгоритм контроля: все столпились напротив большого зеркала около выхода, поправляя шарфы и шапки. Заведующие отделами обнялись и за всех расцеловались на прощанье. Последняя бутылка по традиции отдавалась главному гостю с собой. Потому что по пути до-

мой, в каком-нибудь микроавтобусе вся его команда ещё не один раз к ней приложится. Это считалось естественным, правильным, здоровым и приятным во всех отношениях действием.

НЕВЫНОСИМАЯ ЛЕГКОСТЬ БЫТИЯ

Достигнув дома после «системного мероприятия», Сергей Богданов всегда являлся в семью в «контролируемо-нормальном состоянии». Пальто, кроличья шапка, начищенные чёрные туфли, галстук, белая сорочка, костюм – всё было на первый взгляд безукоризненным. Сам входил, сам снимал пальто, ясно понимая, что завтра понадобится другой костюм... И внезапно, так же, как и появлялся, исчезал.

Отыскать его можно было только в туалете. Всю ночь в обнимку с унитазом. Немного тёплого чая и снова низкие поклоны, поклоны, поклоны... Словно после удачной премьеры.

В Арктике, когда сильно качало, Сергей тоже старался быть поближе к гальюну. Тарелку с супом и кусок всегда мокрого серого хлеба он съедал за минуту и бежал на койку. Добавка – перевод продуктов. Второе блюдо – то же самое. Важнее было скорее принять горизонтальное положение. Тогда хоть что-нибудь успевало впитаться. Лежал минут десять. Больше было невозможно. Нужно было бежать. Не на палубу, как это иногда красиво описывают в книгах, а именно в галюн. На палубе свалишься за борт вслед за твоим обедом. А здесь, милое дело: никуда не упадёшь, никто не видит. Система колен в канализации не позволяет тебя обрызгать. Но всё же и тут нужно было знать, когда наклоняться над отверстием. Сергей научился это определять не сразу, а только с опытом, по наитию, по чудесному сочетанию звуков мотора и бурления в трубах, ощущая всем телом скорость падения носа судна с верхушки очередной волны.

Дома он мог спокойно сидеть на кухне, дышать у открытого окна и ждать следующего приступа тошноты. На Севере было хуже. Иллюминаторы всегда задраены, двери во всех помещениях раскрыты, дабы поступал хоть какой-нибудь воздух, но быстрее доходил тот, что из машинного отделения...

В каюте жили двое. Богданов лежал на верхней койке. Занавеска, закрепленная на карнизе, ходила снизу вверх и обратно соответственно ритму бортовой качки. Внезапно давала о себе знать её килевая составляющая. Никогда не стиранная тряпка начинала еще и раскачиваться. То влево, то вправо. То влево, то вправо... Через какие-нибудь час-другой это прекращалось, ломая привычную гармонию приступов тошноты. Затем всё возобновлялось с ещё большей силой. Сосед в это время сидел за столом, курил крепкие сигареты и... выжигал на моржовых клыках чукотские национальные мотивы.

И так все четыре месяца. А ведь нужно было ещё и работать...

Однако сегодня ночью тоже нужно было работать: доклад информации по институту, куда вдруг вознамерился пойти второй секретарь, никто не отменял. И вот в коротких промежутках между очищениями отравленного организма Сергей успевал найти листок бумаги и по памяти, тщательно, ровненькими буквочками начинал выписывать, вслух произнося всё, что думает.

Что в начале? Точное название и адрес института. Там уже лет пять никого из районного начальства не было, водитель может и не найти. Фамилии и имена с отчеством его

руководителей, министерство и то же самое по курирующему институт заместителю министра, телефон и имя секретаря директора... Это на всякий случай, и чтобы все обалдели и поняли, что партия всё о них знает и помнит. Дальше фамилии основных учёных. Кто из них члены партии? Чёрт! Не помню! Тематика их научных исследований. Наиболее яркие результаты. Главные характеристики аналогов разрабатываемой ими техники, наименования пяти-семи промышленных предприятий, кому всё это было нужно.

Отдельно Богданов умудрился привести основные вопросы повесток дня последних партсобраний, общую численность работников института и его парторганизации, а также, есть ли какие постановления РК, ГК, ОК или ЦК, так или иначе затрагивающие эту организацию. Если есть, то плохо дело – придётся подробную справку писать, – это Сергей лишь подумал и через несколько минут после очередного «поклона» сообразил, что нет. Ну и, конечно, негатив. Это главное. Если ничего про нас не знаешь – чего тогда пришёл? От партийного секретаря ждут прозорливости, знания чаяний народа и особенно чаяний их, сотрудников вот этого рядового НИИ.

В полдесятого начало рабочего дня, а он должен принести свои листочки и положить «Второму» на стол ровно в девять. Кабинет в такое время обычно открыт. На столе всегда пусто. В шкафах только книги и подарки делегаций. Положить на стол завизированные листочки – и всё, свободен. Окунайся в свою текучку.

В процессе продвижения к месту службы цикличность «поклонов» обычно замедлялась. Сама. И, тем не менее,

десять остановок на троллейбусе до ближайшего метро не шутка. Хотя один раз, но выйти придётся. Где-нибудь около парка. Потом ещё пять остановок и – метро. Хорошо бы и тут... Но нет. Здесь никак невозможно. Дальше автобусом всего четыре остановки. Нет! Не выдержать. Он выскакивает на полпути и ищет подходящее место... Ну, теперь ерунда – ты уже почти на работе. Успел!

Доставил-таки вовремя заполненные листы, благодаря героическим усилиям этой ночью. Вот теперь всё! Теперь можно немного успокоиться.

ПЕРВЫЙ ВЫХОД В НАРОД

Только что утверждённый на бюро райкома инструктор Евгений Фёдоров впервые выходил в народ. Идти на собрание в самую маленькую партийную организацию пищевого промкомбината ему отсоветовали коллеги. Оттуда на свеженького реакция профессиональная: немедленно «закоптить»! Сразу пойдут письма. Мол, копчёной колбасы взял от директора или ещё чего. Если уж выбирать небольшую организацию, то строительный комбинат будет получше. Безопаснее. Ни тебе колбасы, ни грудинки копчёной, сочной, тающей во рту, ни тебе писем. Да и директор там только что умер. Мол, на похороны...

Из-за огромных сугробов к комбинату было не подъехать. Ни одной дороги. Пришлось от железнодорожной платформы идти по колено в снегу. Десяти минут оказалось достаточно, чтобы носки стали совершенно мокрыми, а отглаженные брюки превратились в бесформенные шаровары. Гулко хлюпая чёрными блестящими туфлями, инструктор наконец-то ввалился в одноэтажный дом с надписью на дверях: «Администрация». На стенах этого длинного нетопленного барака с оборванными местами обоями висели горшки с засохшей геранью и выцветшие партийные плакаты о ноябрьском Пленуме ЦК. У входа в пустой кабинет, справа от таблички с фамилией, безразлично белел стандартный незаполненный стенд для социалистических обязательств. В торце коридора рядом с единственным и давно невымытым окном толпилось человек десять. Все в пальто и

валенках с галошами. Видимо, руководство комбината. Никто ничего не говорил. В проходе, у окна на трёх табуретах лежал закрытый гроб, обклеенный красной гофрированной бумагой.

Люди стояли, ходили вокруг, шептались друг с другом, а потом, не понятно по чьей команде, подняли гроб и понесли к грузовику с опущенными бортами. Кладбище было рядом, с другой стороны железнодорожной станции. К нему вела разбитая снежная колея от машин.

Нового инструктора никто не знал. Он тоже – никого. Поэтому ни в помещении администрации, ни на кладбище Фёдоров решил не обозначаться. Хотя, несмотря на мокрое подобие брюк, и так явно выделялся на фоне остальных своей белой сорочкой, галстуком, ровненьким пальто и новой кроликовой ушанкой.

Зачем ездил? Он и сам не знал. Первое знакомство с людьми, когда ты не просто такой же, как все. Первые впечатления не изнутри, как на прежней работе, а как бы, со стороны.

Ему сказали, что на этом заводике всего семь коммунистов. Он приблизительно понимал, что от них можно было ждать. Наверняка – напечатанные под копирку протоколы собраний с повторяющейся от года к году одной и той же повесткой дня. Обычно, как ему рассказывали коллеги, менялась только цифра года в названии – чаще всего – ноябрьского пленума ЦК. И то, с помощью бритвочки на прошлогоднем протоколе.

Вернувшись в райком, Евгений решил посмотреть всё, что есть про этот комбинат. А что можно посмотреть? Толь-

ко постановления райкома, горкома, области и ЦК. Они все секретные, все от руки переписанные в толстую тетрадку с прошнурованными и пронумерованными листами. И то, не полностью переписанные, а только самое главное из них. Как говорил заведующий Общим отделом: «Чтобы враг не прознал уникальные советские формы и методы управления страной».

Всё остальное иметь не положено. Никаких справок, никаких запросов. Только официальная статистика и всё. Мол, сам «ходи в народ», изучай, делай выводы и используй их для подготовки поручаемых тебе партийных документов, при оценке кадров или в ответах на письма граждан. На то ты и ответственный работник.

Всю важность «бумажного» аспекта аппаратной работы новый инструктор осознал в первый же день, как только он пришёл на свое рабочее место. Здесь документооборот – предмет систематических и довольно безжалостных проверок со стороны работников Общего отдела. Идёт инструктор по коридору с проектом постановления или со справкой в обком – все бумажки должны находиться в папочке. Не дай Бог нести прямо в руках грифованные листочки или невзначай кого-нибудь из визирующих поймать у окна. Обязательно зафиксируют нарушение, будто «они» стоят, невидимые, на каждом шагу и только и ждут, когда ты «проколешься». После комсомола, где до этого Фёдоров работал секретарем райкома, такой тотальный контроль – наподобие холодного душа.

Закончив с тетрадью, инструктор принялся рыскать в «неположенных» документах, которые скопились от пред-

шественника за шкафом в больших полиэтиленовых пакетах. Там много чего было: справки самого инструктора и справки для него, копии постановлений, которые он готовил, и тех, что присылали сверху. Все одинаково обезличены: с отрезанным ножницами заголовком, грифом и подписью. Бумаг хватало, а нужной не найти. Федоров торопился...

В три часа – совещание у начальника. Что-то нужно предлагать...

И такая изматывающая спешка, постоянное напряжение будет сопровождать его все пять лет, которые предстоит отбывать в этом строгом и, несмотря на красные ковры, холодном здании, чем-то похожим на изолятор.

«ВОСЕМЬ – НОЛЬ» В ПОЛЬЗУ РАЙКОМА.

Ножницы, клей, бумага, основные цифры района, знание того, что когда-либо проводил район – всё пошло в ход. Плenums, заседания бюро райкома, партхозактивы, повестки дня заседаний крупных парткомов... Потом это нужно было «заварить», логически выстроить друг за другом, и обычно получалась «конфетка». Не всегда, правда. Порою слишком часто подворачивались отглагольные существительные и отымённые прилагательные. Но, ничего, в итоге всё гладко срасталось.

Выполняя постановление ЦК и Совмина... или пленума обкома, или бюро горкома о том-то и том-то, райком и партийные комитеты предприятий и организаций района провели определенную работу... Оценивать не тебе. На эту тему прошёл пленум... Очень хорошо! Вопрос рассматривался на бюро райкома... Чуть хуже, но тоже неплохо и, главное, доказуемо. Он постоянно был в центре внимания партхозактивов... Когда уж совсем ничего не делали. Первичных партийных организаций... Ниже нет ничего... Всё это во многом способствовало мобилизации коммунистов района, первичных парторганизаций на усиление одного и ослабление отрицательного влияния совсем другого, что в свою очередь позволило обеспечить высокие темпы роста... любые положительные... чего-то умного и хорошего, кардинальное увеличение... если на много... чего-то ещё. Ну и, конечно – качества выпускаемой продукции. Дальше совсем просто. Учёные и инженеры районных НИИ

и КБ добились принципиально новых результатов на прорывных направлениях науки и техники. Профессор Петров разработал то-то и то-то, а молодой учёный Сидоров изобрёл совершенно новую технологию производства чего-то ещё. Эти разработки способны.... когда-нибудь... во много раз увеличить мощности предприятий по выпуску какого-нибудь всем известного и нужного товара. В результате район выполнил план квартала... года или пятилетки в целом. Объём того-то составил столько-то процентов по отношению к прошлому году. Объём чего-то другого – ещё больше. Районная парторганизация награждена Красным знаменем по итогам года или квартала.

Всё! Точка! Обязаны гады принять такую бумагу и снять с контроля вопрос, – с удовлетворением от проделанной работы громко произнес Новиков. «Гадами» Алексей, как и все остальные «промышленники», с любовью называл непробиваемых работников Общего отдела. Сложность только в том, что таких бумаг было тридцать. Они по совсем разным вопросам: техпрогресс, качество, производительность труда, товары для населения и многое, многое другое, конечно очень важное для народного хозяйства. Правда, вопросы все промышленные, а не идеологические или оргпартийные. У тех своя кухня. И идут они практически одновременно. Тут без творческой мысли и безукоризненного знания «действительности» не обойтись.

Нужно так уметь крутить цифрами и совершенно разными по своей значимости фактами, чтобы они уложились в одну гладкую линию без торчащих углов. Сложишь всё

это ровненько – глядишь, целое постановление ЦК выполнил! Сложишь ещё – ещё выполнил! А ведь кто-то наверху мучился: всё это выписывал, согласовывал, контролировал выполнение... Такой же, как он, Новиков.

Чиновники низшего уровня и в 70-ые, и в 80-ые годы вырастали из среды начальников отделов и лабораторий. Оставаясь, по сути, и в тридцать, и в пятьдесят лет теми же «младшими инженерами», которыми они были всю жизнь. Эти люди – хитрейшие из хитрейших, что и делает борьбу с ними такой сложной и запутанной. Собственно говоря, в том одна из причин, почему с чиновничьим беспределом чаще всего никто и не борется, предпочитая ежегодно принимать «на бумаге» всё более и более грозные декларации и постановления.

Новиков заканчивал восьмую справку...Занимаясь «творчеством» уже шестой час, целенаправленно пролистывая ту самую секретную тетрадочку, что хранилась у заведующего, он вдруг набрел на постановление Пленума ЦК о продовольственной Программе. Вернее, не на само постановление – что его переписывать, оно в газете есть, – только приложение к нему. В газетах было много чего, но конкретно – только в самом тексте постановления. Даже не в нём, а именно в приложениях. В табличках с мелким шрифтом, где чётко указано, что когда и где следовало построить, а потом, сколько и чего выпустить на этих новых объектах.

Вот это да-а-а! – воскликнул от неожиданности Алексей. – Через полгода на месте замызганного сельскостроительного комбината с недавно умершим директором построить первую очередь нового завода по выпуску гидро-

статических трансмиссий для кормоуборочных комбайнов. Ещё через шесть месяцев начать выпуск продукции... А мы мучились на совещании... Всё никак не могли придумать, что делать с этим комбинатом. Чего тут думать? Всё давно придумано.

И так – благодаря усилиям Новикова – счёт был «восемь – ноль» в пользу райкома.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИЛЕТАНТ

В кабинете заведующего отделом райкома КПСС напротив окна стоял небольшой шкаф с полками. На одних были плотно составлены все тома последнего издания полного собрания сочинений Ленина. На других – вперемешку всякие статуэтки, эмблемы и сувениры – подарки от предприятий района. Вместе всё это выглядело достойно. Середину небольшого помещения занимали два стола, сдвинутых в форме буквы «Т». За маленьким сидел хозяин кабинета, за более длинным размещались подчинённые.

По правую руку от начальника находился большой старинный сейф, повернутый замком в его сторону. Массивная железная дверь с вензелями по краям всегда была открыта. Начинаящий инструктор сразу обратил бы внимание на интересную деталь. Заведующий мог, не вставая с места, в любой момент, держа в одной руке телефонную трубку, другой вытащить из сейфа нужный документ, быстро ответить на вопрос руководства и вернуть бумажку обратно. Удобно! Как у Штирлица. Огромный ключ с круглой печаткой торчал из дверки сейфа так, что, если бы не стальная пластина на стене, предусмотрительно прикреплённая точно напротив, он давно бы пробил штукатурку. Все, побывавшие в кабинете, первым делом вспоминали именно об этой пластине – как о каком-то символе надёжности, обстоятельности и предусмотрительности.

Слева от хозяина кабинета около единственного окна был ещё один стол. Вернее даже не стол, а приставка. Она служила

своеобразным пультом управления. Здесь размещались телефонные аппараты. Только официальный телефон отдела стоял прямо на рабочем столе начальника, подальше от него и поближе к сидящим рядом инструкторам. Обычно на его звонки отвечает какой-нибудь помощник или секретарша, но в отделе таких должностей не было. Поэтому его трубку снимал тот, кто ближе, кто последним приходил на совещание и поэтому довольствовался этим свободным местом. Остальные аппараты были аккуратно расставлены на приставке. «Прямой» самого начальника, его «смольнинский» и семь телефонов внутренней райкомовской АТС: пять чёрных для связи с подчинёнными, один, красный, для связи с курирующим отдел вторым секретарем райкома и большой, белый, стоящий чуть дальше всех остальных, для разговоров с «Первым». Все они стояли так, чтобы не мешать друг другу. Чтобы быстро снятая трубка с одного аппарата случайно не задела другую, более «важную».

Сегодня был ответственный день. Предстояло распределить «роли» при подготовке к пленуму. Промышленники отвечали и за доклад, и за всех выступающих, и за проект постановления пленума.

За столом сидели четыре инструктора и замзав. Инструктор по торговле как всегда, отсутствовал. Место заместителя являлось постоянным: рядом, слева от заведующего. Так удобнее, если вдруг начальник решит передать ему трубку красного телефона. Остальные могли сидеть, где им вздумается. Хоть справа, хоть слева. Демократия! Двое новеньких инструкторов, наверное, с непривычки, ерзали на стульях, торопясь к текучке, к своему потоку заявителей, к недописанным справкам и запискам. Им казалось, что это главное.

До начала совещания все успели обменяться свежими цифрами по плану и, готовые к любым вопросам и неожиданностям, сидели, перешёптываясь и наблюдая виртуозную работу своего начальника, всё ещё продолжающего отвечать на телефонные звонки и одновременно подписывать записки, справки и проекты постановлений, которые потом уходили «наверх». Рискованное занятие, надо сказать. Приятный запах хорошей туалетной воды, всегда наполнявший его кабинет, всех завораживал и даже клонил ко сну.

Казалось, что заведующий отделом с особым благоговением купается в суете текущих дел, контролируя в ней не цель, а только то, что реально налагает ответственность – будь то документ, слово или факт простого присутствия. Он любил повторять одну и ту же поговорку: «Если задачу можно решить – не стоит беспокоиться. Если задачу решить нельзя – беспокоиться бесполезно».

Такая философия позволяла руководителю делать несколько дел сразу и получать от этого особенное удовольствие. Причём, чем больше дел, тем ему легче было ими жонглировать. Главное – постоянно поддерживать ежедневную круговерть и вовлекать в неё других, в чём была вся радость, а может и смысл его постоянного пребывания в игре. Такого состояния для него не могло быть слишком много. Он прекращал к нему стремиться или поддерживать только тогда, когда начинало тормозить какое-нибудь противостояние: вдруг возникшая проблема, неожиданный заданный вопрос или прокол кого-нибудь из его подчинённых. Но подобное случалось редко.

Настоящий «процессник». Такой, своеобразный, ответственный искатель счастья. С одной стороны, он занимается своей работой просто потому, что она всегда должна быть сделана и сделана качественно. Даже, когда это никому не нужно... А с другой, ему не важно, что делать и для чего. Главное – доставляет ли процесс ему радость, «наполненность» и ощущение энергии.

Однажды на «системном мероприятии», поднимая очередной тост, шеф рассказал, что учась в школе, любил по несколько раз на дню писать на листочке одни и те же названия учебных предметов, которые нужно было подготовить на завтра. Само по себе это было глупо. И поначалу могло даже показаться, что уже тогда он ставил себе какие-то цели. Это «процессник»-то!

Но если понять всю прелесть многократного вычёркивания из списка того, что уж точно выполнено, занятие становилось для будущего заведующего промышленным отделом райкома партии просто завораживающим. Пение, физкультура, труд. Вычеркнуть! Остается совсем немного: математика и русский. Проходил час, другой. Снова писал пять и вычеркивал три. Три дела уже сделаны!

С годами всё чаще и чаще начальнику помогали опыт и привычка, а вовсе не его конкретные знания. Он уже забыл, о чём была его дипломная работа, и всё время, проведённое в Политехническом институте, ценилось им лишь за то, что именно там научили быстро, в течение экзаменационной сессии, постигать основы абсолютно новых для него дисциплин. Только основы.

В партию приняли ещё до института, когда он трудился сначала рабочим, а потом мастером в паровозном депо.

После вуза – главный инженер. Вот тут-то и заметили его способность всё схватывать на лету, сходу вникать в бесконечные проблемы предприятия и, главное, делать сразу несколько дел. Хорошим дополнением ко всему этому набору способностей была устная речь инженера. Слова всегда правильные, сложенные в своего рода куплеты, с обилием различных интонаций. Будто песня. Она увлекала, убеждала и заставляла верить. Молодой руководитель был приятен в общении, элегантен и всегда опрятен. Никогда не курил. Умел пить. Людей к нему тянуло.

И его сразу поставили заведующим отделом райкома.

Здесь, хочешь – не хочешь, но всё, чем ему приходилось заниматься, постепенно становилось похожим на «пение». – Будь то проблемы экономики или конкретные вопросы капитального строительства, научно-технического прогресса, сельского хозяйства или медицины.

Особой трелью затрезвонил белый телефон. Такой звук отменял всё происходящее вокруг и требовал немедленной реакции. Галдёж прекратился. Начальник снял трубку и, не говоря ни слова, слушал секунд десять. Потом быстро произнёс: «Да, есть!». Только два слова: «да» и «есть». Кому-то постороннему могло показаться, что речь шла о том, что, мол, у говорящего по телефону что-то есть. План района, к примеру, или какой-то документ... На самом деле, все присутствующие прекрасно знали, что это было привычное для аппарата сочетание слов, не имеющее ничего общего с простым армейским «есть!» и уж конечно, с наличием чего-то у говорящего. Эти слова применяли, где надо и где не надо. В середине предложения или вместо слова «да». Как словопаразит. Но почему-то только в телефонных разговорах.

Желание их применять было не случайным. Этакий рудимент стиля общения в аппарате партии, сформировавшегося ещё в военные годы. Когда почти все функции партии как таковой были атрофированы и явно замещены чем-то другим. Со временем это явление чуть сгладилось и теперь включение такого слова в контекст могло означать просто замену какого-нибудь матерного словечка.

Например – «есть» могло означать следующее: «Я согласен с тем, что вы только что мне сказали и одновременно сам отдаю себе отчёт, в том, что это нужно будет сделать именно мне, и потому подтверждаю это понимание. Или подразумеваю: «ой, как мне это противно, но что поделать». В обоих случаях слово «есть» действительно взято из армейских разговорных норм. Но во втором – оно ещё и заменяет мат. Так, для простоты и удобства выражения мыслей и чувств.

Начальник встал, не торопясь, сгреб бумаги со стола, поместил в сейф, закрыл его, вынул ключ и не поленился опечатать замок. Затем он так же обстоятельно засунул ключ с печаткой в симпатичный коричневый кожаный кошелёк и только потом, по завершении этого святого ритуала, доведенного до автоматизма, уже кладя кошелёк в задний карман брюк, начал выпроваживать всех из своего кабинета. Покинув его последним, он закрыл дверь на ключ. В коридоре, на пути к «Первому», закреплённый с годами алгоритм наконец-то отключился. Заведующий отделом плавно махнул рукой заместителю, показывая на его кабинет.

ПРИМЕР В ДОКЛАД

Оказавшись у себя в кабинете, заместитель заведующего отделом начал курить и нещадно эксплуатировать всех своих подчинённых. Ему нужны были примеры для доклада на пленуме. Конечно, работала специально для этого созданная комиссия. Но она обычно приносила то, что ей дадут парткомы и директора. Из этого каши не сваришь. Для каждой темы, для каждого раздела доклада нужен заход, позитив, негатив и вывод. Где наберёшь его, негатива-то? Да ещё такого яркого, чтобы все «припухли» и рефлекторно втянули головы в плечи. Другое «Первый» и читать-то не станет. А ведь нужно не забыть хотя бы раз что-то вставить про школы, поликлиники и другую мелочь. И всё это простым человеческим языком. Будто лезет прямо из души. Не зря на столе замзава лежала старая, сороковых годов, тоненькая книжка: «Выступления М.И.Калинина». Речи Всенародного старосты были жирно исчерканы красными надписями от руки.

Всезнающий и энергичный заместитель, не дожидаясь пространной справки комиссии, уже давно сам написал весь доклад на пленум. Из года в год все проблемы одни и те же. Предприятия тоже почти не меняются. Да и вообще сама комиссия и нужна-то только для «демократии». Мол, изучали вопрос ваши же коллеги, чего вы от нас-то хотите? Но, тем не менее, свежие и сочные примеры прямо в заготовленные места в докладе, конечно, требовались.

Инструкторы, каждый по-разному, но знали многое из происходящего в их организациях. С другой стороны, они

понимали, что если сдать «своих», потом можешь не приходиться к директору предприятия. Никакого откровенного разговора не получится. А иной директор, который посмышлёней, изощрится: придёт инспирированная им секретная бумага только для «Первого» от районного или областного управления КГБ. Мол, такой-то инструктор райкома, проводя беседы с руководством и работниками такого-то предприятия, затрудняет проведение контрразведывательных мероприятий на «закрытом» объекте. А таких предприятий в районе – почти все.

Конечно, директора можно понять. Одно дело его официальные, пусть и в чём-то отрицательные показатели. Со всем другое, когда наружу вытащена убедительная негативная последовательность событий или действий всего руководства предприятия, приведшая к этим результатам. Тут явный удар по первому лицу организации. Он ведь и так чаще всего понимает свои ошибки, обсуждает их с тобой, пытается исправить. Мало таких, кто с гордым снобизмом ничего не видит вокруг себя и не хочет даже малейшей критики в свой адрес. Очень мало. На них доклад не сделаешь.

Замзав прекрасно понимал всю премудрость работы его подчинённых и, тем не менее, из двух зол выбирал наименьшую. В первую очередь нужно было опасаться своего непосредственного начальства. Ведь доклад читать – святая обязанность «Первого»! А потому тот, кто его готовит, – уважаемый человек. И все должны немедленно ему помогать и бежать со всех ног за фактурой.

– Ну должно же быть что-то взаимоувязанное и смачное. Лёха, как там у тебя в Лесотехническом институте? Вы-

пускники двух из семи факультетов по распределению идут на три года в школы учителями. Так?

– Так!

– Всего около сотни человек. Сколько из них остаётся в школе больше года?

– Ну, может, процентов двадцать...

– То есть восемьдесят бегут кто куда... – Начальник докурил сигарету, свернул кулёк из листа бумаги, вытряхнул туда окурки из переполненной пепельницы, скомкал кулёк и бросил его в ведро для мусора. Эти ритуальные движения быстро внедрились в общую практику после того, как некурящий «Первый» прошёлся по кабинетам.

Замзав вдруг замолчал и посмотрел куда-то вдаль через окно. Там, внизу, медленно проплывали маленькие жёлтые трамваи, спешили прохожие, от ветра раскачивались во все стороны голые кроны деревьев. Тротуары покрывала слякоть от посыпанного солью, тающего и никем не убираемого снега.

– Поразительная метаморфоза. Когда лепишь доклад, всё, что плохо, – хорошо. А когда просто живёшь и работаешь – наоборот! Это, наверное, диалектика...

Был это вопрос или утверждение – никто не понял.

– Если уходят на производство, то, в основном, на крупные предприятия, делать деньги и техпрогресс, – продолжал излагать Лёха.

– Ну и дурра-а-к же ты, Алексей, – задушевно произнес руководитель, а потом, передразнивая, добавил. – «Делать техпрогр-э-эсс».

В отношении нового инструктора Алексея Подберёзки-на начальник позволял такие вольности в обращении. Он

сам его нашёл в своем родном и «закрытом» НИИ, привёл в райком и «на халяву» эксплуатировал внештатником. То есть Алексей приходил после работы и подолгу сидел в кабинете инструктора, помогая ему готовить справки, сортировать письма, отвечать на телефонные звонки. Потом, уже после того, как инструктора повысили, тот передал своему, теперь уже штатному, работнику бывшие «свои» институты, КБ и вузы.

После паузы замзав продолжил.

– Кто предал школу и наплевал на приказ Родины, не может делать техпрогресс по определению. А теперь вопрос: сколько оканчивают с красным дипломом?

– В прошлом году восемь человек, в позапрошлом – пять.

– Ишь ты, знает. Но есть и божий суд... Он не доступен звону злата, и мысли, и дела он знает наперёд, – начальник зачем-то вставил пунктиром строчки из Лермонтова, потом с удовольствием оглядел всех подчинённых, многозначительно поднял указательный палец, закурил новую сигарету и продолжил, – это, как вы понимаете, я про наперсников разврата...

Что у младшего шефа недавно образовалась хорошая увязка с Уполномоченным Совмина по делам религии, все знали. Но при чём здесь техпрогресс? Какие «напёрсточники» и какого «разврата»?

– За два последних года в Духовную семинарию поступили учиться семь выпускников твоего Лесотехнического института, – тягуче, но с отбивкой каждого слова продолжал замзав. – Все именно отличники. Поняли? Смотрите, как из-

ячно получается. Семь прекрасных технарей вместо того, чтобы вливать в производство свежую высококачественную научно-техническую кровь... Или мысль?... Пожалуй, кровь...

– Примерно так, – быстро перехватил инструктор, – из всех выпускников института, направляемых в школы, через год остаётся только пятая часть. Разбегаются! Зато больше половины всех обладателей красных дипломов этого же учебного заведения после его окончания идут прямохонько в Духовную семинарию... Куда здесь смотрит партком и ректорат? Им наплевать на то, для чего они готовят молодых специалистов и что вообще скрывается за их пятерками.

Алексей медленно расплывался в улыбке. Он не мог сдержать свою неуместную радость. Радость не от того, что у одной из его «контор» всё плохо. А потому что такая контора одна, а не десять. Здесь, в райкоме, ему за этот факт ничего не будет. А он – молодец! У всех на глазах родил такой яркий пример. «За пять минут, – как говорил в известном фильме группенфюрер Мюллер, – и без всяких фокусов». Не слабо?

– Давай, отточь, как следует, и гони текст! – Лагунов опустил голову и погрузился в поиск места в докладе для нового примера.

– Идеологи нам не простят. Это же их хлеб, – после небольшой паузы неуверенно промямлил только что радовавшийся Алексей.

«Надо же, хватило ума догадаться хоть до этого», – одновременно подумали трое остальных, ждущих своей очереди. Они многозначительно переглянулись.

– «Орговики» дадут твоему институту два места в партию, чтобы не обижались, а идеологи... «Первый» ещё им

врежет. А то, понимаешь, как праздник, так они только закладывать умеют: «Промышленники ходят на демонстрации не со своими организациями». Им-то, какое дело, с кем я пью? «На пленуме сидят на последних рядах...» Никто за язык их не тянет, так нет же...

Говоря об идеологическом отделе, замзав имел ввиду его заведующую.

– Больше нечего сказать, так и скажи. Иди хоть... директором в музей-квартиру сестры Ленина... мышей ловить вместе со своими...

– А Федотов, понимаешь, у них ничего, – встрял инструктор по строительству и транспорту.

«Да, да», «Федотка нормальный пахарь», «К нам бы его», «Все демонстрации были на нем», «Теперь забьют...» – наперебой поддакивали инструкторы, раскрепостившиеся на фоне излишних откровений начальника. Все знали и другое: недавно Федотов «засветился» на весь город, и его вот-вот «бросят на гвозди». То есть вернут на прежнее место работы за ненадобностью, как члена партии, не оправдавшего её высокое доверие.

Кто невзначай подумает, что все эти демонстрации на Дворцовой площади происходят сами по себе, так сказать, «по велению сердца» – жестоко ошибаются. Замзав, пожалуй, лучше других знал, чьё конкретно сердце и чья башка это придумывали, организовывали, выключивали у крупных объединений средства на красную материю, краску, портреты и потом всё это хозяйство «закрепляли» за предприятиями, институтами, школами, фотографировали и анализировали. Раньше он сидел в одном кабинете с этим несчастным.

Почему несчастным? Прокололся-таки! Первого секретаря обкома к его шестидесятилетию в начале февраля наградили звездой Героя соцтруда. На этот счет вышел Указ. А через три месяца – Первое Мая. Нужно идти на демонстрацию и нести портреты членов Политбюро. Разумеется, инструктор-идеолог дал команду всем предприятиям на закрепленных за ними портретах нарисовать звезду Героя у Романова. В обкоме об этом прознали: «Вы видели Григория Васильевича со звездой? Видели? Нет! Так что же тогда врётё и лезете со своим подхалимажем?» То есть за три месяца, прошедших после Указа, награда так и не нашла своего героя.

Всё бы хорошо. Ведь вовремя поправили. Одно плохо: не было тогда в Ленинграде магазинов финской компании «Тиккурилла» и компьютерного подбора колера. Пятно от замазанной краской золотой звезды, освещаемое лучами яркого первомайского солнца, заметно выделялось на фоне пиджака члена Политбюро. А это уже неправильно. Вроде как дали и почему-то отняли! Или передумали... Ведь кто-то может и поинтересоваться: почему?

– Как ни крути, получается, что все предатели, – вдруг произнес Подберёзкин, возвращаясь к примеру по институту. – И те, кто сбежал из школы, и те, кто поступил в Семинарию, и этот Федотка, ответственный за наглядную агитацию в нашем районе...

– Ладно, не умничай, «логистик», – начальник снова повернулся к Алексею.

Он уже приклеил к новому инструктору это не совсем понятное «погонялово» за то, что тот при обсуждении чего-

нибудь поганого всегда норовил дойти до логического конца и «вкрутить» ещё большую жуть в и без того дерьмовую ситуацию. Обычно после этого становилось до боли ясно, что произошло и как быть.

— Ну, а твои-то план не выполняют и даже не собираются, — «зам» заговорил про текстильные предприятия, которые курировал другой новичок. — А сколько они плюс к этому потеряли от своего собственного бардака? — Начальник осекся и быстро повторил, — от своего бардака в текучести кадров, в прогулах и опозданиях, в использовании оборудования? Нэ знаэш? — И не дожидаясь ответа, не сбавляя темпа давления, и также почему-то с грузинским акцентом добавил: «А ты, уважаемый, узнай скарэй. А? Да лучше знаэш что? Сам формулируй. Мнэ нужно вставить гатовый примэр про это в четыре строки. И нэважно про кого...».

Все примолкли и старались казаться «прозрачными». Они знали, почему хозяин кабинета перешел на грузинский акцент. У того проскочило очень нехорошее словосочетание про «собственный бардак». То есть ещё и другой какой-то имеется! Чей он тогда? Ляпнуть такое в кабинете — опрометчивый поступок. Это не забьёшь простым исключением крамольного слова «собственный». Здесь пахло убежденностью, определённой точкой зрения! Вот он и попытался теперь сделать вид, будто всё это говорил «влёгкую», шутя и даже с грузинским акцентом.

— Найдуй! Дам про всех! — как можно быстрее выпалил инструктор, — они одинаковые.

МАГИЧЕСКИЙ КВАДРАТ

За время работы в аппарате все привыкают к тому, что иной раз «убивает» в прямом и переносном смысле простое отсутствие документа или, что ещё интереснее, – всего лишь отсутствие инструкции о порядке его выполнения или одного слова в справке. Не зря у многих в отделах горкома и обкома партии на столах лежали испещренные пометками «Семнадцать мгновений весны» Семёнова или томик Шиллера «Мария Стюарт». А на стене висел листик со стихами:

«Лист бумаги

Еще не отсечение головы,

И подпись никого не убивает....

Такая подпись под таким листом

Разит, как гром, на месте»

Андрею Кондратьеву позвонили. Он снял трубку, через секунду повесил её на место и вышел из кабинета. Ещё через пять минут вернулся с папочкой. В ней лежало новое письмо с красными штампами. Про что? Это уже вторично. Главное – на них видны красные, магические квадраты! Теперь всё по боку. Наверняка жуткие сроки. Как пить дать, что-нибудь паршивое донельзя. Как чувствовал!

Сначала Кондратьев отрешился на время от всего и ушёл с головой в тонкие особенности документооборота. Потом часть из того, о чём Андрей думал, просматривая документ, он почему-то начал произносить вслух. Документ вызывал такие эмоции, что удержать их внутри не представлялось возможным.

– Так! Красный штамп! Читаем: ну конечно, срок три дня! Доложить в КПК при ЦК. То есть нужно подготовить ответ за подписью «Первого». А он через день уезжает. Значит – два дня. Ещё хуже. Кто пишет? Место работы, должность, звание, возраст? Доцент, химик из «Техноложки». Какая-то Щербакова. Дальше. Кому именно пишет? Е-ка-лэ-ма-нэ! Ну, баба-дура! Всем членам Политбюро! А этот экземпляр? В Комиссию партийного контроля при ЦК Соломенцеву. В наш адрес, значит, ещё придет. Может, придёт и ото всех адресатов.... Подписано десять дней назад. Не фига себе! Уже побывало в КПК и к нам спустилось... Что-то будет!

Так. Что ей надо-то? Читаем дальше. Всё как будто из отчётов планового отдела, отдела кадров и бухгалтерии. Ясно! Ректор дерьмо, стар, мышей не ловит! Наука – ноль! Матбаза вуза – тоже! Общежития гниют, студенты бегут. Ну, и конечно, факты по освоению денег... А ректор-то, не просто ректор, он председатель Совета ректоров всех ленинградских вузов!

Да! Некоторые вещи из этого опуса я готов и сам подписать, подумал Кондратьев. Всё смачно и безукоризненно составлено. Но ей-то зачем? Есть же какой-то мотив, причина. Ну не ратует же она в самом деле за эффективность работы родного вуза? Это всё равно, что переживать по поводу наших неудач с изучением и освоением Луны. Нужно быть инопланетянином, чтобы не понять: ничего в одиночасье не изменишь, не построишь новые корпуса общежитий, не возродишь былые научные школы. Ну, как ни старайся, никак не загонишь молодежь в науку. Вот она, эта самая наука и тускнеет, и размывается, и чахнет.

Но опыт работы с письмами нашептывал Андрею: «Не спеши. Ты же знаешь, как только встрянет первое лицо, о котором пишут, все изящные и кричащие построения такого вот простого заявителя рассыпаются, как картонный домик» И всё же Кондратьев явственно ощущал: воздухе пахло снятием с должности заслуженного и пожилого ректора... А почему письмо дали мне? Этот вуз ведь не «мой»!

И, тем не менее, быстро соображал Кондратьев, нужно срочно сбацать комиссию из трех человек. Срок – завтра! Или подтвердить или...

А самому Андрею предстояло в соответствии с обычной аппаратной работы, не дожидаясь справки этой комиссии, срочно встречаться с автором злополучного письма. Елена Щербакова. Уж не жена ли это тамошнего заведующего кафедрой философии?

Инструктор отдела науки и учебных заведений обкома быстренько прогнал в памяти последние собеседования с заведующими кафедрами общественных наук. Все они – номенклатура горкома. Но Андрея обычно приглашали на эти сходки. У него всегда особая информация о любой науке во всем Северо-Западном регионе. О философии, научном коммунизме, политэкономии социализма и истории КПСС – тем более. Кто куда ездил на конференции? В Сочи, Батуми или в Красноярск? Какие писал книжки или статьи в последние годы, посещал ли соответствующие секции Совета по общественным наукам, где обычно тусовались спецы по конкретным направлениям научной мысли? Получалось предметно, цепляло, заведующие кафедрами «плыли». Это запоминалось.

Да, припомнил Кондратьев. У мужа этой заявительницы, заведующего кафедрой из «Техноложки», были проблемы. И не малые. Кстати, фамилия у него другая. Ему давали последний год для исправления. Пойдем дальше. Жена-то тут причём? Она вроде как не философ. Но что-то там было. Как говорится: то ли у него украли, то ли он украл...В общем, что-то необычное. Вот здесь как раз мотив и зарыт! Нужно только его аккуратно вычленить.

Кондратьев знал, что всегда важно отделить мотив от фактов. Факты могут подтвердиться.... Это одно. А если мотив заявителя однозначно выявляется и там совсем не пахнет принципиальностью, а лишь интригой, закручиваемой в личных целях, – здесь уже совсем другое. В ответе на письмо придется «бить» и того и другого. И не для того, чтобы другие боялись. Просто именно так – правильно! Спасибо за сигнал, но сами вы, товарищ, заслуживаете того, чтобы вас предупредить об ответственности за целый ряд не подтвердившихся фактов.

С такими мыслями Андрей отправился в институт. Входя в помещение парткома, он сразу увидел пожилого грузного мужчину с огромным портфелем. Это был инспектор из Контрольно-партийной комиссии при ЦК. Тот привычным уверенным голосом уже раздавал поручения.

– Я приехал в Ленинград отдохнуть пару дней после Атоммаша. Там была проверка... Всех посадили... Мне нужна маленькая комната для бесед с людьми. Вот список. Здесь человек двадцать. Где-то есть фамилии, где-то только должности. Начнём с утра. Сегодня мне нужна справка обкома, завтра с утра – райкома, а уже вечером – парткома

вуза. – Он внимательно посмотрел на представителей всех поименованных партийных органов, прекрасно понимая, что такой хронологией нарушает все мыслимые и немыслимые технологии подготовки документа. Потом сделал паузу, ожидая реакции. Её не последовало. – Я намерен послезавтра утром повстречаться со вторым секретарем обкома, ознакомить его с моими выводами и в тот же день уехать. – Инспектор ещё раз внимательно обвёл суровым взглядом всех присутствующих. Он не садился, не снимал пальто, не пил чай, ни с кем не разговаривал и даже не здоровался... Положил список лиц для беседы с ним на стол секретаря парткома вуза, повернулся и ушёл.

Через два дня инспектор наконец-то взял в руки справку обкома, где на трех листах, как обычно, говорилось о достижениях вуза, а на последней странице в конце, начиная со слов «Вместе с тем...» – негатив в один-два абзаца. Он вытащил из своего портфеля ножницы, клей и один лист бумаги. Не читая справку, он вырезал негатив без слов «Вместе с тем», наклеил его на чистый лист. Потом медленно ровненькими буквочками написал заголовок: «О серьёзных недостатках в работе....», а потом и свою должность под этим текстом.

– Напечатайте в двух экземплярах, – сказал инспектор, передавая состряпанную им записку заведующему отделом науки и учебных заведений.

Через полчаса они сидели у «Второго»: инспектор, заведующий отделом обкома и секретарь парткома вуза.

– Вы знаете, такие недостатки свойственны всем вузам страны. Очень слаба матбаза, нет новых лабораторий, об-

щежития требуют срочного ремонта... Может быть, уберём слово «существенные» в заголовке?

— Пожалуйста. Уберём, — инспектор, не проявляя никаких эмоций, запросто вычеркнул на своем экземпляре это жуткое слово.

«Второй» — на своём. Оба подписали текст. Попрощались.

И московский «гость» уехал. Потом секретарь парткома «Техноложки» рассказывал, как они буквально выскочили из комнаты, где инспектор «предупреждал» Щербакову о том, что с ней сделают, если ей ещё раз придёт в голову решать свои семейные проблемы таким образом. Он громко говорил раскрасневшейся женщине, мол, хорошо, её письмом частично подтвердилось, а могли бы против неё возбудить уголовное дело за клевету.

Не привыкли в Смольном так разговаривать с заявителями. Всего боялись. А тут впервые увидели, как себя ведёт тот, выше которого никого нет. Ну, не Соломенцев же будет разбираться, в самом деле!

Через десять дней пришло постановление КПК при ЦК КПСС «О существенных недостатках в работе вуза...». Ректора сняли и отправили на пенсию. Председателя Совета ректоров города переизбрали.

Это был уже явно не «застой».

ПОСЛЕДНИЕ ОТБЛЕСКИ КРАСНОГО ЦВЕТА

Осень пришла поздняя, тёплая. Лес стоял жёлтый, багряный от ещё не слетевшей листвы. Дождей не было. Красота. Вдоль обрыва вилась пыльная просёлочная дорога. Прямо на краю росли редкие берёзы и молодой ельник. Внизу тёмно-зеленым ковром простирался нескончаемый лесной массив. Около дороги, со стороны леса, на узком кусочке земли между дорогой и обрывом стояла свежесколоченная деревянная трибуна. Рано утром на неё по очереди, как на эшафот, взобрались по узенькой металлической лестнице с перилами первый секретарь райкома, председатель райисполкома, ещё кто-то и «свеженький» заведующий сектором обкома партии.

Вокруг никого. Казалось, что ничего живого нет вообще на сотни километров вокруг. Бесконечный лес, обрыв, неровная дорога, а с другой стороны где-то вдали разбросаны деревянные домики, в центре еле виднелся Дом культуры.

Прошло полчаса. «Где народ-то?» – Недоумевал работник обкома, оглядываясь по сторонам. Ему стало не по себе. Он не выдержал и тихонько, как бы невзначай и словно ему вообще нет дела до того, зачем они сюда поднялись, произнес почти на ухо первому секретарю: «А где демонстранты?»

– Подойду-у-ут, – сквозь зубы процедил «Первый», и через мгновение добавил, как о чём-то потустороннем, – куда денутся, у них тоже ускорение.

Последние слова секретаря заглушил зычный голос: «Дорогие товарищи, поздравляю вас с праздником...». «Первый» стоял рядом и продолжал курить, привычно поглядывая по сторонам и наслаждаясь своей правильной речью, ровным потоком льющейся из динамиков. По-прежнему никто не появлялся... Через громкоговорители на весь город работал магнитофон, стоящий рядом на табуретке. Поздравление длилось минут десять. Магнитофон выключили. Слева, метрах в трехстах от трибуны, стали появляться тёмные точки. Люди! Прошло ещё минут десять, тёмная узенькая полоска повернула и потекла в их сторону. Трудящиеся шли редкими парами, как в детском саду. Между парами – метра два-три. Это пространство время от времени заполняли местные бездомные кошки и собаки. Плакатов нет, цветов нет. Портретов, конечно, тоже. Проходящий мимо трибуны мужчина в одной руке нес красный воздушный шарик, а в другой бумажный цветок непонятного цвета... Он шёл один, не в паре. Его праздничные атрибуты только сильнее подчеркивали аномалию всего действия. Такое в дурном сне не приснится.

Почти все проходящие останавливались перед трибуной и отвлечённо, словно не перед живыми, обсуждали сосед с соседом: «А кто это там стоит, справа? Да справа же. Справа! Вроде новенький...». Было слышно. Руководство выстроилось в ряд, как на мавзолее, и молча, улыбаясь, слегка кланялось.

Хватило ума не размахивать руками. Эти люди нас не поймут. Чай, не в столице или в городе трёх революций, – легко и как-то вдруг подумалось представителю вышестоя-

щего партийного органа. — Вот ситуация: подойди и сбрось всех в обрыв... Он испугался оттого, что точно не знал: произнёс он эту крамолу или только подумал...

Вечером, перед отъездом, недавно утверждённый заведующим сектором обкома КПСС всё же вернулся к обрыву. Так, ни за чем. Просто хотелось лишний раз убедиться, что такое бывает. Солнце быстро опускалось. На фоне заходящего за кромку леса яркого оранжевого круга утренние белые березы стояли совершенно чёрные, а в молодом ельнике запутались последние отблески красного цвета. Будто кто-то не загасил костер...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Когда-то, ещё в начале двадцатых годов прошлого века, в советской жёсткой «вертикали власти» образовалась прочная сеть паутины, не позволяющая ей прогнуться. Очень необычный, разный по предназначению и одновременно универсальный материал для поддержания руководящей роли партии. Эта сеть выполняла роль идеального сверхпроводника идей. Но одно в ней было губительно predetermined изначально и не могло измениться, как бы ни хотели режиссировать обратное. Все живительные соки спускались только с «освещаемого лучами солнца» небосвода. Наоборот – никогда!

Именно тогда, после пустячной замены двух строчек в Уставе, вся большевистская партия в России перевернулась с ног на голову. Власть для подготовки и определения сути решения перешла от председателя партии, от избранных её членов к секретарям и наёмному аппарату. Здесь, в основные документы партии могли незаметно закладываться неопределенности – воздух и живительная влага для аппарата. Потом в этой благодатной среде зарождались интриги и, в конце концов, проблемы – обязательные спутницы любой беды. В мутном омуте захлебывались идеальные взаимоотношения, тонули благие намерения, размывалась изначально привлекательная идеология. Когда в одном месте соединяются право на подготовку решения и контроль, обязательно жди сначала мелких нарушений, затем – коррупцию и, в конце концов, кризис.

Находясь в партийном аппарате, самом «движителе» вертикали власти, сложно было сохранить себя как личность. Здесь правил налаженный годами маховик тотальной предопределённости. Инициатива, ответственность и самостоятельность давно перемололись и стёрлись в пыль его тупыми зубьями. Когда в отпуск? Когда болеть? Когда получать квартиру, когда что-нибудь предлагать, в конце концов? Не дай Бог тебе заикнуться об этом.

Из управленческой номенклатурной среды всё сильнее и сильнее «вымывалась» популяция творческих личностей и, напротив, закреплялись в ней исполнительные, страхующиеся по каждому поводу конъюнктурщики.

Кто хоть изредка делал или чувствовал чуть больше, чем предусмотрено инструкциями «системы», тот выживал. Одни умудрялись находить пусть и суррогатное, но удовольствие в самой «игре», например, изящно подавать длинные перечисления регалий очередного генсека. Другие наслаждались тем, что за один день «закрывали» с десятков постановлений вышестоящих партийных органов, правильных по форме, но по сути своей являвшихся всего лишь пропагандистской косметикой, прикрывавшей «родимые пятна» развитого социализма. Третьи компенсировались в иронических спектаклях алкогольных «системных мероприятий». Именно таким удавалось миновать процесс «ампутации личности», более известный науке на примерах концентрационных лагерей и исправительных колоний.

А кто изначально гордо и категорически не принимал действующий в аппаратном сообществе порядок, кого удачливая судьба ни на грош не наградила толерантностью, тот

очень быстро и безжалостно отторгался этим сообществом. После этого подняться мог далеко не каждый.

Полностью же ассимилированные с аппаратной средой могли существовать только в ней. Вне её такой организм просто не требовался. «Аппаратчик» создавался из простого набора функций, и был запрограммирован природой самого партийного сообщества. Прямо как в примитивной физиологии! Не нужные аппарату качества и навыки постепенно атрофировались, новые – не формировались...

Ничем здоровым не подпитывая себя снизу, захлебываясь в собственных секрциях, властная верхушка постепенно хирела, деградировала и, в конце концов, выпустила власть из своих рук. А лоскутки липкой паутины власти, скрепляющей «вертикаль», остались. Будто отдельно существующий живой организм, они перекрасились, клеились, и многие из тех, кто полностью ассимилировался в аппаратную среду, немедленно встроились в новую конфигурацию власти. Хоть даже очень демократическую или такую же тоталитарную... В любую. Перманентно льясь верхушке, она будет постепенно и неотвратимо заражать её всё теми же застарелыми профессиональными болезнями.

И всё начнется сызнова...

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	4
Свежее мнение	6
Квадратики, ромбики, кружочки... и неопознанный объект	17
Расстановка	28
Чистота рядов.....	31
Системное мероприятие	43
Невыносимая легкость бытия.....	57
Профессиональный дилетант	69
Первый выход в народ	61
«Восемь-ноль» в пользу райкома	65
Пример в доклад	75
Магический квадрат.....	83
Последние отблески красного цвета	89
Послесловие.....	92

БОРИС КОРНЕВ

ИГРА В «ТЕТРИС»

*Очерки нравов партаппарата
среднего звена*

Вёрстка: С.Ю. Бовичев
Дизайн: Е.Л. Бовичева

ООО «АРТЕК». СПб,
Университетская наб., д. 19

Подписано в печать
Формат 60х90/16. Печ.л.2,5.
Тираж 300 экз.